

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Юджин
Роган

Арабы

История. XVI–XXI вв.

Юджин Роган
Арабы. История. XVI–XXI вв.

«Альпина Диджитал»

2009

Роган Ю.

Арабы. История. XVI–XXI вв. / Ю. Роган — «Альпина Диджитал», 2009

Международный бестселлер, история арабского мира, названная Financial Times, The Economist и Atlantic лучшей книгой года. Эта знаковая книга рассказывает историю арабского мира от Северной Африки до Аравийского полуострова, исследуя все аспекты современной арабской истории. Начиная с османских завоеваний шестнадцатого века, Роган исследует историю арабов в эпоху европейского империализма и соперничества сверхдержав от холодной войны до нынешнего века американской гегемонии, отмечая эволюцию арабской идентичности и борьбу за национальный суверенитет во всем. В обновленном издании Роган раскрывает последние геополитические события в регионе.

© Роган Ю., 2009

© Альпина Диджитал, 2009

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	17
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юджин Роган

Арабы. История. XVI–XXI вв.

Переводчик *Ирина Евстигнеева*

Научный редактор *Ирина Царегородцева, канд. ист. наук*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

Корректоры *М. Миловидова, О. Сметанникова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Иллюстрация обложки *The Print Collector / Alamy Stock Photo*

© Eugene Rogan, 2009

© Предисловие и глава 15. Eugene Rogan, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается Ричарду Гуйа Вудзу Рогану

Предисловие

Фаида Хамди узнала о падении автократического режима в Тунисе, находясь в тюремной камере. Это произошло 14 января 2011 года. К тому моменту Зин аль-Абидин Бен Али правил Тунисом больше 23 лет. Хотя Хамди не решилась признаться в этом своим сокамерницам, но она сыграла немалую роль в свержении диктатора. Она была тем самым муниципальным инспектором, из-за которого уличный торговец из городка Сиди-Бузид по имени Мухаммад Буазизи совершил публичное самосожжение. Никто не мог предположить, что своим поступком он не только зажжет пламя народного восстания в Тунисе, но и воспламенит весь регион на многие годы. Грянувшая в январе 2011 года тунисская «жасминовая революция» подняла волну народных восстаний в странах Северной Африки и Ближнего Востока, которую мы знаем сегодня как «арабскую весну».

За четыре недели до этого, 17 декабря 2010 года, Фаида Хамди инспектировала овощной рынок. Сиди-Бузид – один из тех провинциальных городков в центральной части Туниса, что обходят вниманием не только туристы, но и правительство. Сорокалетняя Хамди, одетая в синюю инспекторскую форму с погонами и фуражку с кокардой, в сопровождении двух коллег-мужчин, являла собой наглядное олицетворение государственной власти. При приближении инспекторов большинство уличных торговцев поспешно собирали свой товар и убегали, но 26-летний Мухаммад Буазизи не двинулся с места. Хамди уже не раз предупреждала Буазизи, что торговля без лицензии рядом с рынком запрещена. В тот день между Хамди и Буазизи разгорелся конфликт. Молодой человек обвинил ее в вымогательстве и произволе и попытался защитить свою тележку с товаром от инспекторов.

Относительно того, что произошло дальше в том роковом конфликте, существуют разные версии. Члены семьи и друзья Буазизи утверждают, что Хамди оскорбила и ударила молодого человека по лицу, что является тяжким оскорблением для мужчины в арабском мире, после чего приказала своим сопровождающим конфисковать товар и весы. Хамди отрицала факт пощечины и утверждала, что «Буазизи набросился на нас и порезал мне палец». Детали в данном случае имеют огромное значение, поскольку позволяют объяснить произошедшую затем трагедию¹.

Мухаммад Буазизи пришел в ярость от действий инспекторов. Он немедленно отправился в мэрию, но вместо искомой справедливости получил лишь новую порцию унижений. После этого он попытался добиться встречи с губернатором, но также потерпел неудачу. Его сестра Басма Буазизи рассказывала: «То, что пришлось пережить моему брату... конфискация тележки с овощами, нанесенное женщиной оскорбление, отказ муниципальных чиновников выслушать его, невозможность добиться справедливости... все это переполнило чашу терпения».

В полдень Мухаммад Буазизи вышел на площадь перед мэрией, где, как всегда, толпилась масса народа, облил себя горячим и поджег. Окружающие не сразу поняли, что происходит. Некоторые даже фотографировали горящего человека. Когда пламя наконец-то удалось потушить, у Буазизи обгорело более 90 процентов поверхности тела. С обширными ожогами его доставили в больницу соседнего городка Бен-Арус.

Отчаянный акт самосожжения Буазизи потряс жителей Сиди-Бузида. Они полностью разделяли его возмущение несправедливостью и равнодушием властей по отношению к про-

---

¹ Эти слова Басмы Буазизи приводятся в статье: "Controversy over 'the Slap' That Brought Down a Government," *Asharq Al-Awsat*, 2 февраля 2011 года; слова Фаиды Хамди цитируются в статье: Kareem Yehia, "Tunisian Policewoman Who 'Slapped' Bouaziz Says 'I Was Scapegoated by Ben Ali,'" *Ahram Online*, 16 декабря 2014 года. См. также: Yasmine Ryan, "The Tragic Life of a Street Vendor: Al-Jazeera Travels to the Birthplace of Tunisia's Uprising and Speaks to Mohamed Bouazizi's Family," *AlJazeera.com*, January 20, 2011; Kareem Fahim, "Slap to a Man's Pride Set Off Tumult in Tunisia," *New York Times*, January 21, 2011.

стым людям, пытающимся свести концы с концами. Тем же вечером группа родственников и друзей Буазизи устроила на площади перед местной администрацией импровизированную акцию протеста. Они бросали монеты в металлические ворота и кричали: «Вот ваша взятка!» Полиция разогнала разгневанную толпу дубинками, но демонстранты вернулись на следующий день в еще большем количестве. На это раз полиция применила слезоточивый газ и открыла огонь. Два человека погибли от огнестрельных ранений. Состояние Мухаммада Буазизи в больнице ухудшилось.

Когда новость о протестах в Сиди-Бузиде достигла столицы Туниса, образованная молодежь, среди которой было много безработных, принялась активно обсуждать случившееся в социальных сетях. Прошел слух, будто Буазизи тоже был безработным выпускником университета (хотя он не окончил даже среднюю школу, вынужденный зарабатывать деньги на образование сестер) и ему пришлось торговать овощами, чтобы добыть средства к существованию. В «Фейсбуке» появилась группа, посвященная Буазизи, и вскоре его история облетела арабский интернет. Ею заинтересовался журналист арабского информационного телеканала «Аль-Джазира». Контролируемая государством тунисская пресса не сообщала о проблемах в Сиди-Бузиде, а «Аль-Джазира» сделала эти новости достоянием международной арабской аудитории. Репортажи о том, как обездоленные жители городка отстаивают свои права в борьбе с коррупцией и злоупотреблениями властей, начали выходить в эфир ежевечерне.

Трагедия в Сиди-Бузиде стала искрой, которая побудила тунисцев открыто восстать против всего того, что не устраивало их в государстве при правлении Бен Али: против коррупции, злоупотребления властью, равнодушия к тяжелому положению простых людей, высокого уровня безработицы, особенно среди молодежи. Все эти проблемы были близки людям и в других арабских странах, внимательно следившим на экранах телевизоров и в интернете за происходящим в Тунисе. Протесты быстро распространились и на другие бедные города центральной части страны – Касирин, Талу, Манзаль-Бузайан – и, наконец, вспыхнули в самой столице.

Эскалация напряженности заставила Бен Али отреагировать. 28 декабря, через одиннадцать дней после случившегося, президент Туниса посетил Буазизи в больничной палате. Тунисские телеканалы осветили этот визит в прайм-тайм, показав трогательные кадры, как президент озабоченно расспрашивает врачей о состоянии пациента. Первые полосы газет пестрели снимками Бен Али у постели умирающего. Бен Али пригласил родителей Буазизи в президентский дворец и пообещал сделать все возможное для спасения их сына. Он приказал арестовать муниципального инспектора, который своими действиями спровоцировал трагедию.

4 января 2011 года Мухаммад Буазизи скончался. Тунисский народ провозгласил уличного торговца мучеником, а режим Бен Али поспешил сделать козлом отпущения Фаиду Хамди. Она была заключена в тюрьму города Гафса вместе с обычными преступниками. Адвокаты отказывались защищать ее, опасаясь, что тунисская общественность, обвинявшая Хамди в смерти Буазизи, распространит свой гнев и на них. Хамди скрывала свою личность от сокамерниц, притворяясь школьной учительницей, которую посадили за то, что она «отшлепала непослушного ребенка». «Я боялась сказать им правду», – впоследствии призналась она².

В первые две недели января массовые протесты охватили все города Туниса. Полиция разгоняла демонстрации силой, что привело к гибели около двухсот человек; сотни были ранены. В столицу ввели войска, однако армия отказалась выполнять приказ президента применить оружие против манифестантов. Когда Бен Али понял, что не может рассчитывать на поддержку военных и никакие уступки не успокоят разгневанные народные массы, он ошелом-

² Фаида Хамди изложила свою версию случившегося в ряде интервью. См.: Yehia, "Tunisian Policewoman Who 'Slapped' Bouazizi,"; Radhouane Addala and Richard Spencer, "I Started the Arab Spring. Now Death Is Everywhere, and Extremism Is Blooming," *Daily Telegraph*, December 17, 2015.

мил страну и весь арабский мир: 14 января 2011 года президент отрёкся от власти и бежал из Туниса в Саудовскую Аравию. Тунисский народ добился, казалось, невозможного: с помощью ненасильственных протестов, не прибегая к вооруженной борьбе, он сверг один из самых надежно окопавшихся диктаторских режимов в мире.

Тунисская революция оказала влияние на весь арабский мир. Короли и президенты были потрясены тем, что один из их числа пал жертвой гражданской активности народных масс. Бен Али был не единственным «пожизненным президентом». Ливийский диктатор Муаммар Каддафи находился у власти с 1969 года, президент Йемена Али Абдалла Салех – с 1978 года, а Хосни Мубарак правил Египтом с 1981 года, и все они планировали передать власть своим сыновьям. Сирия стала первой арабской республикой, где произошла династическая передача власти: после смерти Хафеза Асада, правившего страной с ноября 1970 года, пост президента в 2000 году занял его сын Башар Асад. Если устоявшаяся диктатура пала в Тунисе, считали аналитики, это может случиться где угодно³.

Между тем люди, живущие под властью автократических режимов по всему арабскому миру, разделяли настроения тунисцев. Ливанский журналист Самир Касир, убитый в июне 2005 года, диагностировал «арабскую болезнь» за несколько лет до «арабской весны». «В наши дни быть арабом – горькая участь, – писал он. – Страх репрессий, унижения, глубочайшая неудовлетворенность пронизывают арабский мир». На протяжении многих лет недовольство подспудно копилось во всех слоях арабского общества, пока не выплеснулось наружу в революционных событиях 2011 года⁴.

Среди египтян брожение началось за несколько лет до «арабской весны». В 2004 году группа активистов сформировала движение «За перемены», более известное как «Кифайа» (буквально «Хватит!»), которое выступало против затянувшегося правления Мубарака и его планов по передаче власти своему сыну Гамалю. В том же 2004 году Айман Нур, известный египетский оппозиционер и независимый депутат парламента, основал партию «Аль-Гад» («Завтра»). На первых альтернативных президентских выборах в 2005 году он не побоялся бросить вызов самому Мубараку, хотя и заплатил за это высокую цену: он оказался на скамье подсудимых по сфабрикованным обвинениям в мошенничестве на выборах и был приговорен к трем годам тюрьмы. В 2008 году группа молодых противников режима организовала в интернете «Молодежное движение 6 апреля». На своей странице в «Фейсбуке» они обсуждали ситуацию с правами человека, застой в экономике и т. п. К концу года группа насчитывала несколько десятков тысяч человек, многие среди которых никогда раньше не проявляли политической активности.

Несмотря на зарождающуюся гражданскую активность, до 2011 года народные движения не могли соперничать с режимом Мубарака. На парламентских выборах в декабре 2010 года правящая Национально-демократическая партия получила более 80 процентов мест, хотя эти выборы и подверглись широкому осуждению как самые коррумпированные в истории Египта. Накануне выборов египетский народ был уверен, что Мубарак-старший готовится передать президентское кресло своему сыну Гамалю и сделает все возможное для того, чтобы обеспечить полностью лояльный парламент. Большинство египтян предпочли бойкотировать выборы, чтобы лишить новый законодательный орган даже намек на народный мандат. Через два месяца после выборов египетский народ перешел от бойкота к открытым требованиям свержения режима Мубарака.

Вдохновленные примером тунисцев, 25 января 2011 года египетские активисты организовали массовую акцию протеста на центральной площади Каира Тахрир. Беспрецедентное

---

³ Roger Owen, *The Rise and Fall of Arab Presidents for Life* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012); Joseph Sassoon, *Anatomy of Authoritarianism in the Arab Republics* (Cambridge: Cambridge University Press, 2016).

⁴ Samir Kassir, *Being Arab* (London: Verso, 2006), из предисловия автора.

количество демонстрантов – сотни тысяч человек – собрались там, чтобы потребовать демократических реформ. Волна протестов, впоследствии получившая название «революции 25 января», прокатилась по всем крупным городам – Александрии, Суэцу, Исмаилии, Мансуру, по всему Верхнему Египту и дельте Нила, парализовав экономическую и политическую жизнь страны.

На протяжении 18 дней весь мир с замиранием следил за тем, как египетский народ бросает вызов режиму Мубарака – и побеждает. Правительство прибегло к грязным методам. Чтобы спровоцировать страх и беспорядки, власти выпустили из тюрем тысячи преступников. Полицейские в штатской одежде под видом сторонников Мубарака нападали на протестующих на площади Тахрир. Когда люди Мубарака верхом на лошадях и верблюдах атаковали демонстрантов на улицах Каира, это выглядело совсем уж фантастично. В общей сложности в ходе протестов более 800 человек были убиты и тысячи ранены. Однако попытки Мубарака запугать свой народ не увенчались успехом, и с каждым днем ряды протестующих только росли. Перелом наступил, когда египетская армия отказалась поддержать правительство и объявила требования протестующих законными.

Как и Бен Али, Мубарак признал, что без поддержки армии у него нет шансов удержаться у власти. Позиция военных оказалась тем более удивительна, что сам Мубарак был отставным генералом ВВС. 11 февраля 2011 года президент Египта подал в отставку. Эта новость вызвала ликование на площади Тахрир и по всей стране. Падение режима Мубарака, пребывавшего у власти почти 30 лет, показало другим арабским народам, что в их силах свершить демократические преобразования «арабской весны» и в своих государствах.

15 февраля первые демонстрации начались в Бенгази, что положило начало ливийскому восстанию против 40-летней диктатуры Муаммара Каддафи. В том же месяце протестующие вышли на улицы в Санае, Адене и Таизе, чтобы потребовать свержения йеменского диктатора Али Абдаллы Салеха. 14 февраля демонстранты собрались на Жемчужной площади в Манаме, ознаменовав приход «арабской весны» в Бахрейн. А начавшиеся в марте мирные демонстрации протеста в южном сирийском городе Дераа, жестоко подавленные режимом Башара Асада, открыли самую трагическую главу в истории «арабской весны».

К тому времени, когда Фаида Хамди вышла из тюрьмы, Тунис и арабский мир изменились до неузнаваемости. Хамди наконец-то получила адвоката и была оправдана по всем обвинениям в ходе единственного судебного заседания, состоявшегося 19 апреля 2011 года. Она вышла на свободу, когда Тунис перелистнул страницу трагической смерти Мухаммада Буазизи и вступил в иную политическую эпоху, полную новых надежд и новых вызовов. Хамди вернулась в Сиди-Бузид, на свое прежнее место работы в муниципалитет, хотя рынки она больше не инспектировала. Вместо прежнего синего мундира и фуражки она надела гражданскую одежду и мусульманский головной платок. В новой одежде она олицетворяла собой переход арабского мира от военной автократии к новому экспериментальному строю – исламской демократии⁵.

Арабские революции 2011 года застали мир врасплох. После десятилетий стабильности под властью автократических режимов арабский мир внезапно оказался в вихре стремительных и радикальных перемен. Казалось, будто тектонические плиты арабской политики начали сдвигаться не в геологическом, а реальном времени. Между тем нет более верного способа предсказать неопределенное будущее, чем посмотреть в прошлое, – простая истина, о которой часто забывают политические аналитики. Слишком часто мы на Западе преуменьшаем значение истории для настоящего и будущего. Как заметил американский политолог Джордж Уилл, «когда американцы называют что-либо "историей", они подразумевают, что это не имеет зна-

---

⁵ Фаида Хамди обсуждает ношение мусульманского платка в «Интервью с Фаидой Хамди», размещенном на канале CorrespondentsDotOrg на YouTube 11 июля 2012 года, <https://www.youtube.com/watch?v=JSeRkT5A8rQ>.

чения»⁶. И это огромное заблуждение. Западным политикам и интеллектуалам следует уделять истории гораздо больше внимания, если они хотят понять истоки «арабской весны» и найти пути разрешения тех колоссальных проблем, с которыми арабский мир столкнулся после 2011 года.

Судьбу арабских народов нельзя назвать простой. На протяжении прошлого и в начале этого столетия они боролись против господства иностранных держав и стремились к реформированию своих государств, чтобы правление не было столь авторитарным, а органы власти стали в большей степени подотчетны своим гражданам. Это два ключевых вектора современной арабской истории, и они оказались определяющими при написании этой книги.

Арабы очень гордятся своей историей, особенно первыми пятью столетиями после возникновения ислама, охватывающими VII–XII века. Это была эпоха великих исламских империй со столицами в Дамаске, Багдаде, Каире и Кордове, игравших ведущую роль в мире. Что касается арабской идентичности, то во времена раннего ислама арабами считали всех, кто говорил на арабском языке, вел свое происхождение от племен Аравийского полуострова и в большинстве случаев исповедовал суннитский ислам. Все арабы смотрят на ранний исламский период как на эпоху могущества и процветания арабского народа, а исламисты традиционно ссылаются на этот период, чтобы утверждать, что арабы достигли наибольшего величия, когда были максимально близки к истинной вере.

С конца XI века на исламские земли начали посягать иностранные захватчики. В 1099 году после кровопролитной осады крестоносцы взяли Иерусалим, положив начало двухвековому господству на Востоке христианского Иерусалимского королевства. В 1258 году монголы захватили Багдад и уничтожили древний халифат Аббасидов; город был разграблен и сожжен, а воды Тигра стали красными от крови. В 1492 году католическая Реконкиста изгнала последних мусульман с Пиренейского полуострова. Тем не менее Мамлюкский султанат со столицей в Каире (1250–1517) продолжал оставаться могущественнейшей мусульманской державой, простиравшей свою власть на весь современный Египет, Сирию, Ливан, Израиль, Палестину, Иорданию и провинции нынешней Саудовской Аравии на побережье Красного моря.

Только в XVI веке, когда Мамлюкский султанат пал под натиском турок-османов, арабами стали править из чужеземной столицы. С тех пор как в 1453 году Мехмед Завоеватель захватил столицу Византии Константинополь, турки-османы управляли растущими территориями своей империи из этого города, переименованного ими в Стамбул. Расположенный на берегах пролива Босфор, на двух континентах – Европейском и Азиатском, он, хотя и был столицей исламского суннитского государства, находился очень далеко от арабских земель – в 1500 км от Дамаска, в 2200 км от Багдада и в 3800 км по суше от Каира. Кроме того, административным языком Османской империи был турецкий, а не арабский. Арабы вступили в эпоху, когда им пришлось жить по чужим правилам.

Османе правили арабами на протяжении четырех из последних пяти веков. За это время империя менялась, и соответственно менялись правила. В первом столетии после завоевания они были не слишком жесткими: от арабов требовалось признавать власть султана и уважать законы, установленные им и Богом (последнее известно как шариат, или исламское право). Немусульманским меньшинствам позволялось строить жизнь по собственному усмотрению, самим управлять своими общинами и исповедовать свою религию в обмен на уплату подушной подати в имперскую казну. В целом большинство арабов спокойно относились к тому, что ими правит могущественная Османская империя, рассматривая себя как мусульманских подданных великой мусульманской державы.

В XVIII веке правила заметно изменились. После пика своего расцвета в XVII веке, в 1699 году Османская империя потеряла первые территории – Хорватию, Венгрию, Тран-

---

⁶ George Will, "Take Time to Understand Mideast Asia," *Washington Post*, October 29, 2001.

ильванию и Подолье на Украине. Чтобы пополнить истощенную казну, она начала продавать на откуп государственные должности и сельскохозяйственные земли. Это дало возможность местной знати сосредоточить в своих руках обширные земельные владения и, соответственно, достаточно богатства и власти, чтобы бросить вызов самому Стамбулу. Во второй половине XVIII века ряд таких местных правителей подняли крупномасштабные, хотя и закончившиеся безрезультатно восстания против османского господства в Египте, Палестине, Ливане, Сирии, Ираке и на Аравийском полуострове.

В XIX веке Османская империя вступила в период реформ, призванных разрешить накопившиеся внутренние проблемы и сдержать угрозы со стороны европейских соседей. Эпоха реформ породила новый набор правил, во многом инспирированных идеями европейского Просвещения. Османы попытались установить полное равенство прав и обязанностей для всех подданных империи – турок и арабов – в таких ключевых сферах, как административное управление, военная служба и налоги. Наряду с этим они продвигали новую идентичность – османизм, чтобы преодолеть этническую и религиозную разобщенность османского общества. Хотя реформам не удалось защитить Османскую империю от распространения европейского влияния, они позволили Стамбулу существенно укрепить свою власть над арабскими провинциями, что было особенно актуально на фоне подъема националистических движений в османских провинциях на Балканах.

Однако те же идеи, что вдохновили на реформы османов, способствовали формированию новых представлений о нации и обществе в арабском мире и росту неудовлетворенности арабов своим положением в империи. Они начали протестовать против правления османов и обвинять их в отсталости арабского мира на пороге XX столетия. Сравнивая свое бывшее величие с нынешним подчиненным положением внутри Османской империи, которая сама фактически оказалась в подчинении у могущественных европейских соседей, арабская общественность начала стремиться к независимости и требовать реформ.

Поражение Османской империи в Первой мировой войне было воспринято многими в арабском мире как вступление в новую эру независимости и национального величия. Они надеялись воссоздать на останках Османской империи великое арабское государство и с воодушевлением восприняли содержавшийся в знаменитых Четырнадцати пунктах президента США Вудро Вильсона призыв к национальному самоопределению. Но когда стало ясно, что новый мировой порядок будет строиться по правилам, установленным европейцами, а не Вильсоном, арабов постигло горькое разочарование⁷.

Британцы и французы использовали Парижскую мирную конференцию 1919 года, чтобы установить в арабском мире современную государственную систему и передать все арабские земли, кроме центральной и южной части Аравийского полуострова, под ту или иную форму колониального правления. В новых государствах Сирия и Ливан, которые после обретения независимости от османского господства перешли под французский мандат, французы установили привычную им республиканскую форму правления. В свою очередь, британцы наделили свои подмандатные государства Ирак и Трансиорданию атрибутами Вестминстерской модели конституционной монархии. Исключение составила Палестина, где реализация проекта по созданию «национального очага для еврейского народа» вопреки ожесточенному сопротивлению коренного арабского населения подрывала любые попытки сформировать национальное правительство.

Колониальные державы дали каждому новому арабскому государству национальную столицу и национальное правительство, обеспечили принятие конституции и учреждение выбор-

---

⁷ Eugene Rogan, *The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920* (New York: Basic Books, 2015). Перевод на русский: Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

ного парламента. Они также установили государственные границы, которые во многих случаях были искусственными, порой даже противоестественными. Многие арабские националисты выступали против навязываемых империалистическими державами нововведений, утверждая, что они разделяют и ослабляют арабский народ, который может вернуть себе былое величие только через достижение панарабского единства. Но, согласно новым правилам игры в XX веке, только международно признанные национальные государства, пусть даже колониального происхождения, могли быть легитимными членами глобального сообщества наций.

Наследием колониального периода стали противоречия между государственным национализмом (например, египетским или иракским) и панарабской националистической идеологией. К 1940-м годам, когда арабские государства начали обретать независимость от колониального господства, конфликт между этими двумя идеологиями стал очевиден. Проблема заключалась в том, что большинство арабских граждан рассматривали государственный национализм, ограниченный рамками искусственных колониальных образований, как фундаментально нелегитимный. Для тех, кто стремился возродить в XX веке величие арабского народа, только более широкое националистическое движение открывало перспективу достижения критической массы и единства целей, необходимых для возвращения арабам их законного места среди держав того времени. После колониального периода арабы стали сообществом наций, а не национальным сообществом, и это по-прежнему вызывает у них неудовлетворенность.

Вторая мировая война ослабила европейские державы, лишив их былого влияния на мировой арене, и ускорила процесс деколонизации. Многие государства Азии и Африки добились независимости от своих колониальных правителей, зачастую путем вооруженной борьбы. На смену европейским империям пришли две новые сверхдержавы – Соединенные Штаты и Советский Союз, и почти вся вторая половина XX века прошла под знаком развернувшегося между ними соперничества, получившего название «холодная война».

Поскольку в борьбе за мировое господство Москва и Вашингтон стремились включить в сферы влияния арабские государства, Ближний Восток стал одной из ключевых арен противостояния двух сверхдержав. Едва обретя национальную независимость, арабский мир снова столкнулся с тем, что на протяжении почти полувека (с 1945 по 1990 год) его свобода была ограничена установленными извне правилами игры – правилами холодной войны.

Они были просты: вы дружите либо с США, либо с СССР – третьего не дано. По правде говоря, арабскую общественность не интересовал ни американский антикоммунизм, ни советский диалектический материализм. Их правительства попытались остаться в стороне от противостояния двух сверхдержав, сформировав так называемое Движение неприсоединения, но им попросту не позволили этого сделать. В конце концов каждому арабскому государству пришлось вступить в тот или иной лагерь.

Государства, оказавшиеся в советской сфере влияния, называли себя «прогрессивными». В эту группу входили все арабские страны, которые во второй половине XX века пережили революцию, а именно Сирия, Египет, Ирак, Алжир, Йемен и Ливия. Своих соседей из западного лагеря – либеральные республики Тунис и Ливан и консервативные монархии, такие как Марокко, Иордания, Саудовская Аравия и государства Персидского залива, – они презрительно называли «реакционными». Соответственно, на Западе первых считали «радикальными», вторых – «умеренными». Между сверхдержавами и арабскими странами существовали патрон-клиентские отношения, где первые оказывали вторым всевозможную помощь – от поставок оружия до различных видов экономического содействия.

Пока существовали две сверхдержавы, существовала и эффективная система сдержек и противовесов. Ни СССР, ни США не могли предпринимать в Ближневосточном регионе какие-либо односторонние шаги из страха спровоцировать враждебную реакцию со стороны другой сверхдержавы. Правительства в Вашингтоне и Москве жили в постоянном страхе перед тре-

твей мировой войной и делали все возможное, чтобы предотвратить разгорание такого конфликта на Ближнем Востоке. Арабские правительства научились играть на противостоянии сверхдержав, используя угрозы перейти в другой лагерь, чтобы добиться поставок современного оружия или расширения экономической помощи от своих государств-патронов. Но, приспособившись к новым правилам игры, арабы тем не менее хорошо понимали, что к концу XX века они так и не достигли ни подлинной независимости, ни того уровня развития, ни положения на международной арене, о которых мечтали в начале века. С распадом Советского Союза арабский мир вступил в новую эпоху американской гегемонии – на еще менее выгодных условиях, чем прежде.

Холодная война подошла к концу вскоре после падения Берлинской стены в 1989 году. Для арабского мира новая однополярная эпоха началась с вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году. Когда Советский Союз проголосовал за резолюцию Совета Безопасности ООН, санкционирующую военные действия под руководством США против прежнего советского союзника Ирака, арабы восприняли это как зловещее предзнаменование. Баланс сил и определенность противостояния холодной войны уступили место эпохе неограниченного американского господства, и многие в регионе опасались худшего.

Американская политика в отношении Ближнего Востока в эпоху после холодной войны отличалась непоследовательностью. После 1990 года президенты США придерживались очень разных курсов. Президент Джордж Буш – старший, при котором произошел крах советской системы, провозгласил установление нового мирового порядка. При Билле Клинтоне определяющими принципами американской внешней политики были интернационализм и сотрудничество. С приходом к власти неоконсерваторов во главе с Джорджем Бушем – младшим в 2000 году Соединенные Штаты обратились к унилатерализму. После терактов 11 сентября 2001 года внешняя политика администрации Буша, в частности провозглашенная США война с терроризмом, всецело сосредоточенная на мусульманском мире с арабами в роли главных подозреваемых, оказала катастрофическое воздействие на весь Ближневосточный регион. Новый президент Барак Обама попытался перенаправить региональную политику в более конструктивное русло и сократить военное присутствие США в регионе, что привело к значительному ослаблению влияния США на Ближнем Востоке.

Правила новой однополярной эпохи с безраздельной американской гегемонией оказались наименее благоприятными для арабского мира. В отсутствие мощной сдерживающей силы ничто не мешало Америке диктовать арабским странам свои условия и даже осуществлять прямые военные вторжения. Не будет преувеличением сказать, что годы после терактов 11 сентября стали худшими в современной арабской истории, где «арабская весна» принесла лишь короткую передышку, но не долгожданную демократию и свободу. Слова, произнесенные Самиром Касиром в 2004 году, актуальны по сей день: «В наши дни быть арабом – горькая участь».

Наряду с борьбой за независимость от иностранного господства другим важным вектором арабской истории на протяжении большей части последних двух веков было стремление арабских народов ограничить самодержавную власть своих правителей. Революционные события «арабской весны» стали лишь очередной главой в истории многовековой борьбы за прозрачность государственной власти и верховенство закона.

До конца XVIII века абсолютизм был нормой в Европе и государствах Средиземноморья. Только Великобритания и Голландская республика подчинили свои монархии избранному законодательному органу. После Французской революции 1789 года конституционный строй начал распространяться по всему Западу: в Соединенных Штатах конституция была принята в 1789 году, в Польше и Франции – в 1791 году, в Норвегии – в 1814 году, в Бельгии – в 1831

году. В этом новом политическом устройстве общества власть правителей была ограничена законом, а подданные обрели более высокий правовой статус граждан.

Арабы, посещавшие Европу в первой четверти XIX века, возвращались домой, плененные политическими идеями, с которыми они познакомились в Париже и Лондоне. Египетский богослов Рифаа ат-Тахтави по возвращении в 1831 году из Парижа перевел на арабский язык все 74 статьи французской Конституционной хартии 1814 года. Живя под авторитарным правлением османского наместника в Египте Мухаммада Али, ат-Тахтави восхищался французской конституцией, которая эффективно ограничивала власть короля и защищала права рядовых граждан. Тунисский реформатор Хайр ад-Дин ат-Туниси, вдохновленный трудами ат-Тахтави, также ратовал за принятие конституции, чтобы ограничить произвол тунисских беев. Возможно, неслучайно Египет и Тунис стали первыми арабскими государствами, принявшими конституцию, – Тунис в 1861 году, Египет в 1882 году – и первыми, где случились революции «арабской весны».

Следующая волна конституционных реформ совпала с установлением европейского мандатного правления по окончании Первой мировой войны. Египетская конституция 1923 года, иракская 1925 года, ливанская 1926 года и сирийская 1930 года отражали стремление арабских народов к независимости от европейских империалистических держав и к полному суверенитету на основе легитимных правительств и верховенства закона. Но, хотя эти конституции и наделили арабские государства выборными многопартийными законодательными органами, колониальные власти делали все возможное, чтобы ограничить суверенитет подконтрольных им государств. В результате либеральные конституционные правительства скомпрометировали себя как проводники европейского колониального господства.

Окончательный отказ от арабского либерализма наступил после поражения в первой арабо-израильской войне 1948 года, в ходе которой израильская армия оккупировала 78 процентов территории подмандатной Палестины и разгромила коалицию семи арабских государств. Патриотически настроенные арабские офицеры были возмущены политикой своих президентов и королей, а сокрушительное поражение от армии «сионистского образования», которую арабская пропаганда представляла как сборище «еврейских банд», подорвало доверие арабской общественности к своим правительствам. Арабский мир вступил в новый революционный период, ознаменовавшийся военными переворотами в Сирии (1949), Египте (1952), Ираке (1958), Йемене (1962) и Ливии (1969), которые привели к власти новое поколение жестких лидеров во главе технократических правительств. Опираясь на идеологию арабского национализма и панарабизма, военные режимы обещали наступление новой эпохи социальной справедливости, экономического развития, военного могущества и независимости от внешнего влияния. Взамен военные правители требовали от своих граждан одного – полного послушания. Это был социальный контракт, и на протяжении более чем полувека арабская общественность добровольно отказывалась от попыток ограничить автократическое правление в обмен на выполнение этих обещаний.

К началу XXI века социальный контракт был нарушен. К 2000 году стала очевидна неспособность почти всех арабских государств, за исключением богатых стран – экспортеров нефти, выполнить обещанное. Острейшие социально-экономические проблемы, хроническая бедность населения, высокий уровень безработицы на фоне сосредоточения богатства и власти в руках узкого круга приближенных к правящим режимам стали отличительной чертой арабского мира. На растущее недовольство своих граждан арабские режимы отвечали ужесточением репрессивной машины. Более того, престарелые автократические правители планировали сохранить династический контроль над государствами, передав власть своим сыновьям. Помимо вопиющего нарушения социального контракта эти недееспособные режимы собирались увековечить себя.

В 2011 году арабские народы восстали против неограниченной власти правящих режимов. «Народ не должен бояться своего правительства, – гласил один из плакатов на каирской площади Тахрир. – Это правительство должно бояться своего народа». На какой-то момент революционные движения «арабской весны» действительно заставили арабских правителей бояться своих граждан. К сожалению, этот момент оказался очень недолгим. Революции быстро сменились контрреволюциями, и к власти вернулись жесткие лидеры – везде, за исключением Туниса, где роковая конфронтация между Фаидой Хамди и Мухаммадом Буазизи в декабре 2010 года привела к самому мирному и устойчивому процессу революционных преобразований. Пока слишком рано говорить о том, станет ли установившийся в этой североафриканской стране хрупкий конституционный порядок предвестником нового социального порядка в арабском мире или же останется уникальной историей успеха «арабской весны».

Какой бы сложной, подчас трагичной ни была история арабского мира, это ни в коей мере не умаляет ни ее увлекательности, ни ее значимости для нашей цивилизации. Посвятив всю жизнь изучению Ближнего Востока, я всегда искренне восхищался богатством и разнообразием арабской истории. Мои детские годы прошли в Бейруте и Каире; затем я поступил в американский университет на ближневосточное отделение, где выучил арабский и турецкий языки, чтобы иметь возможность читать исторические источники в оригинале. Изучая архивные документы и рукописи, дневники и мемуары, судебные записи и хроники, я был поражен тем, насколько нам близка и одновременно малоизвестна арабская история.

Многое из того, что арабский мир пережил за последние пять столетий, пережили и другие народы на нашей планете. Национализм, империализм, революции, индустриализация, миграция населения в города, борьба за права женщин – все эти важнейшие темы в истории человечества присутствуют и в современной истории арабского мира. И все же арабский народ уникален – архитектурой своих городов, музыкой и поэзией, особым статусом избранного народа ислама (Коран подчеркивает не менее десяти раз, что Бог явил свое последнее откровение человечеству на арабском языке), идеей национального сообщества, простирающегося от Марокко до Аравийского полуострова.

Объединенные общей идентичностью, основанной на языке и истории, арабы поражают своим разнообразием. Это одновременно единый народ и множество разных народов. Перед путешественником, пересекающим Северную Африку из Марокко в Египет, предстает поистине фантастический калейдоскоп диалектов, каллиграфических стилей, ландшафтов, архитектурных и кулинарных традиций, а также форм правления и экономической активности. Если продолжить путешествие и двинуться через Синайский полуостров по землям Плодородного полумесяца – Палестине, Иордании, Сирии, Ливану и Ираку, картина станет еще красочнее и богаче. К югу от Ирака арабские страны Персидского залива несут на себе явный отпечаток влияния соседнего Ирана. В Омане и Йемене чувствуется веяние Восточной Африки и Южной Азии. Каждое из этих арабских государств имеет уникальное прошлое и настоящее, но все они ощущают свое единство через общую историю и корни.

В этой книге я попытался отобразить разнообразие арабской истории, охватив повествованием все арабские государства Северной Африки, Плодородного полумесяца и Аравийского полуострова. Вместе с тем я постарался показать взаимосвязанность истории этих регионов – например, как правление французов в Марокко повлияло на их правление в Сирии и какую роль восстание марокканцев против французских колонизаторов сыграло в народном восстании в Сирии. Неизбежно одни страны занимают более значимое место в моем повествовании, тогда как другие незаслуженно игнорируются, о чем я искренне сожалею.

При написании книги я опирался на широчайший спектр арабских источников, в том числе на многочисленные свидетельства очевидцев: летописцев более ранних периодов, интеллектуалов и политиков, журналистов и писателей, обычных мужчин и женщин, прославленных

и печально известных личностей. Мне кажется совершенно естественным отдавать предпочтение арабским источникам при написании истории арабского мира – точно так же историю русского народа следовало бы писать на основе русскоязычных источников. Авторитетные иностранные наблюдатели – государственные деятели, дипломаты, миссионеры и путешественники – предлагают нам свой взгляд на арабский мир, и он по-своему ценен. Но я уверен, что люди на Западе смогут увидеть историю арабского мира совершенно иначе, если посмотрят на нее глазами самих арабов – людей, которые творили ее.

Глава 1

От Каира до Стамбула

Горячее летнее солнце нещадно жгло аль-Ашрафа Кансуха аль-Гаури, сорок девятого мамлюкского султана, осматривающего свои войска перед битвой. Почти три сотни лет, со дня своего основания в 1250 году, династия мамлюков правила самым старым и могущественным исламским государством своего времени. Их империя со столицей в Каире простиралась на весь Египет, Сирию и Аравию. Кансух аль-Гаури, которому сейчас было за семьдесят, находился у власти последние 15 лет. Здесь, на равнине Мардж Дабик, у сирийского города Алеппо, на самой северной границе своей империи, он готовился сейчас дать отпор самому серьезному врагу, когда-либо угрожавшему мамлюкам. Султан не знал, что в этой битве его ждет поражение, которое приведет к краху империи, проложив путь к завоеванию арабских земель турками-османами. Было 24 августа 1516 года.

От палящего солнца сирийской пустыни голову Кансуха защищал легкий тюрбан; плечи покрывала голубая султанская мантия, поверх которой за плечом висел боевой топор. Когда мамлюкские султаны шли на войну, они брали с собой большую часть своего правительства и лично вели войска в бой. Только представьте: президент США лично отправляется на очередную военную кампанию, а вместе с ним – больше половины кабинета министров, лидеров обеих палат Конгресса, судей Верховного суда и синода епископов и раввинов, которые идут в бой вместе с солдатами и офицерами!

Командующие мамлюкской армией и четверо верховных судей стояли под красным султанским знаменем. Справа от них под собственным знаменем стоял духовный глава империи, халиф аль-Мутаваккил III. Он также был одет в светлый тюрбан и мантию и вооружен боевым топором. Кансуха окружали 40 потомков пророка Мухаммада, головы которых были обернуты желтыми шелковыми тюрбанами-футлярами с Кораном внутри, а также предводители суфийских орденов⁸ под зелеными, красными и черными флагами.

Вид 20 000 выстроившихся на поле мамлюкских солдат впечатлил и успокоил Кансуха и его свиту. Мамлюки – в переводе с арабского слово «мамлюк» означает «принадлежащий кому-либо», или «раб», – были профессиональными воинами. Юношей покупали в христианских землях по всей Евразийской степи и на Кавказе и привозили в Каир, где обращали в ислам и обучали военному делу. Оторванные от родины и семей, они были всецело преданы своим хозяевам и учителям. В совершенстве владеющие воинским искусством и воспитанные в беспрекословной преданности исламской религии и государству, взрослые мамлюки получали свободу и вступали в ряды правящей элиты. Они были непревзойденными воинами, сокрушившими величайшие армии Средневековья: в 1249 году мамлюки разгромили армию

⁸ Суфизм – одна из основных и наиболее распространенных форм мистицизма в исламе. – *Прим. науч. ред.*

крестоносцев французского короля Людовика IX, в 1260 году освободили арабские земли от монголов, а в 1291 году изгнали с Востока последних крестоносцев.

Мамлюкская армия поражала своим великолепием. Ее воины носили яркие шелковые одежды, их доспехи были шедеврами ремесленнического искусства, а оружие выковано из закаленной стали и инкрустировано золотом. Эта роскошь была частью традиций воинского сословия и должна была демонстрировать врагу уверенность в своей победе.

На другом краю равнины стояли закаленные ветераны армии османского султана. Османская империя возникла в конце XIII века как небольшое тюркское княжество, развернувшее свою «священную войну» против христианской Византийской империи в Анатолии (азиатской части современной Турции). В течение XIV–XV веков османы подчинили своей власти другие тюркские княжества и завоевали византийские земли в Анатолии и на Балканах. В 1453 году седьмой османский султан Мехмед II сделал то, что не удавалось никому из его мусульманских предшественников, – он захватил Константинополь и завершил завоевание Византийской империи. После этой знаменательной победы он присвоил к своему имени почетное прозвище Завоеватель (тур. *Фатих*). Константинополь был переименован в Стамбул и стал столицей Османской империи. Преемники Мехмеда II оказались не менее амбициозны в планах по расширению границ своих владений. И в этот день, 24 августа 1516 года, девятый османский султан Селим I по прозвищу Грозный (тур. *Явуз*; правил в 1512–1520 гг.) стоял со своей армией у северной границы империи мамлюков.

Как ни парадоксально, но, сосредоточив свои войска у Алеппо, Кансух надеялся избежать сражения. На тот момент османы уже воевали с Сефевидской империей. Сефевиды правили персидскими землями (территория современного Ирана) и, как и османы, говорили по-тюркски, хотя по происхождению, вероятнее всего, были курдами. Однако основатель династии Сефевидов, полководец и поэт шах Исмаил (правил в 1501–1524 гг.) объявил официальной религией шиитский ислам, тем самым сделав свое государство идеологическим противником суннитской Османской империи⁹. Военные действия в 1514–1515 годах в восточной Анатолии закончились победой османов, и Сефевиды попытались срочно заключить союз с мамлюками, чтобы сдержать османскую угрозу. Хотя Кансух не испытывал особой симпатии к Сефевидам, он хотел сохранить баланс сил в регионе и надеялся, что сильное военное присутствие мамлюков в северной Сирии заставит османов ограничить свои захватнические планы Анатолией и оставить Персию Сефевидам, а арабский мир – мамлюкским султанам. Однако османы расценили эту ситуацию иначе: они решили, что развертывание армии мамлюков на их фланге представляет серьезную стратегическую угрозу, и, чтобы избежать возможной войны на два фронта, османский султан приостановил военные действия с Сефевидами и бросил все силы на мамлюков.

При всем великолепии мамлюкской армии османы явно превосходили ее. На каждого мамлюкского солдата приходилось по три закаленных в боях османских кавалериста или пехотинца. Согласно хронистам того времени, армия Селима Грозного насчитывала 60 000 человек. Кроме того, османы имели значительное технологическое превосходство над противником. В то время как мамлюки продолжали воевать по старинке, делая ставку на рукопашный бой и мастерское владение холодным оружием, османская армия была вооружена мушкетами и

---

⁹ Смерть пророка Мухаммада вызвала один из первых расколов в исламе, поскольку у его последователей возникли разногласия по поводу того, кто должен стать его преемником, или халифом, и возглавить мусульманскую общину. Часть мусульман признавали преемство исключительно за потомками Пророка и называли главой общины Али Ибн Абу Талиба, который, будучи двоюродным братом и зятем Пророка, был его ближайшим родственником. Это течение ислама получило название «шииты» – от арабского «шият Али», или «партия Али». Но большинство мусульман утверждали, что халифом должен быть самый благочестивый мусульманин, способный лучше других следовать «сунне», т. е. пути, указанному пророком Мухаммадом. Эти мусульмане стали называться «суннитами». На протяжении большей части исламской истории сунниты были преобладающим большинством в мусульманской общине, особенно в арабском и турецком мире, в то время как в Южной Аравии, Персии и Южной Азии укоренились различные варианты шиитского учения.

пушками. И если мамлюки были олицетворением средневековых традиций ведения войны, то османы представляли ее современное лицо. К тому же их куда больше интересовали победные трофеи, чем проявление личной доблести в рукопашной схватке.

Как и следовало ожидать, в битве на равнине Мардж Дабик огнестрельное оружие одержало верх над саблями. Правый фланг мамлюкской армии был сокрушен огневой мощью османов, а левый обратился в бегство. Как выяснилось впоследствии, командующий левым флангом Хайр-бей¹⁰, наместник мамлюкского султана в Алеппо, перед битвой вступил в сговор с османами и присягнул на верность Селиму Грозному. В решающий момент сражения он перешел на сторону османов, тем самым обеспечив им быструю победу.

Султан Кансух аль-Гаури с ужасом наблюдал за разгромом своего войска. На поле боя стояло такое густое облако пыли, что две армии едва могли видеть друг друга. Теряя веру в своих солдат, Кансух обратился к религиозным советникам и призвал их молиться о победе. Один из командиров мамлюкской армии, осознавая всю безнадежность ситуации, снял с древка султанское знамя, свернул его и, повернувшись к Кансуху, сказал: «Господин наш Султан, османы разгромили нас. Спасай себя! Укройся в Алеппо!» При этих словах Кансуха поразил инсульт, наполовину парализовав его. Безуспешно попытавшись взобраться на лошадь, султан упал и тут же умер. Его свита ударилась в бегство, бросив своего господина на поле боя. Впоследствии его тело так и не было найдено и похоронено – казалось, земная твердь разверзлась и поглотила правителя мамлюкской империи.

Когда пыль на поле битвы осела, взору открылась страшная картина кровавой резни. «От этого зрелища поседел бы и младенец, и железо расплавилось бы от ярости», – писал мамлюкский летописец Ибн Ийас. Все поле было завалено мертвыми и умирающими людьми и лошадьми, чьи стоны безжалостно прерывались османскими солдатами, спешившими ограбить своих павших врагов. Они оставляли за собой «обезглавленные тела и покрытые пылью головы с жуткими гримасами», становившиеся добычей диких собак и ворон¹¹. Армия мамлюков еще не знала таких поражений, и их империя так и не смогла оправиться от этого удара.

Победа на равнине Мардж Дабик открыла османам путь в Сирию. Селим Грозный беспрепятственно вошел в Алеппо, после чего без боя занял Дамаск. Весть о поражении достигла Каира только через три недели, 14 сентября 1516 года. Оставшиеся в живых представители мамлюкской военной верхушки собрались в Каире, чтобы избрать нового властителя. Им стал племянник Кансуха аль-Ашраф Туман-бей, которому судьба уготовила быть последним мамлюкским султаном: его правление продлилось всего три с половиной месяца.

Из Дамаска Селим Грозный написал Туман-бею письмо, предложив ему выбор: либо он сдастся и продолжит править Египтом как османский вассал, либо мамлюкский султанат подвергнется полному уничтожению. Прочитав письмо Селима, Туман-бей заплакал от ужаса, но решил сражаться до конца. Страх начал распространяться среди солдат и подданных султана. Чтобы сохранить дисциплину, Туман-бей издал указ, запрещающий продажу вина, пива и гашиша под страхом смерти. Но, как утверждают летописцы, напуганные жители Каира игнорировали его приказы и пытались облегчить свой страх перед неминуемым вторжением с помо-

¹⁰ Бей – в Османской империи титул, которым наделялись высокопоставленные лица. – *Прим. науч. ред.*

¹¹ Хроники Мухаммада Ибн Ахмада Ибн Ийаса (ок. 1448–1524) «Самые замечательные цветы среди событий эпохи» (*Bada'i' al-zuhur fi waqa'i' al-duhur*) были впервые изданы в Каире в 1893–1894 годах. Существует английский перевод выдержек, касающихся османского завоевания Сирии и Египта: W. H. Salmon, *An Account of the Ottoman Conquest of Egypt in the Year A. H. 922 (A. D. 1516)* (London: Royal Asiatic Society, 1921) – и полный перевод на французский язык Гастона Вьета: Gaston Wiet, *Journal d'un bourgeois du Caire: Chronique d'Ibn Iyâs, vol. 2* (Paris: S. E. V. P. E. N., 1960). Приведенные в этой книге фрагменты взяты из обеих публикаций: Salmon, *Account of the Ottoman Conquest*, 41–46, и Wiet, *Journal d'un bourgeois du Caire*, 65–67.

щью алкоголя и наркотиков¹². Когда до Каира дошла весть о завоевании прибрежного города Газа, где османы умертвили тысячу горожан, город содрогнулся от ужаса. В январе 1517 года османская армия вошла в Египет и двинулась к мамлюкской столице.

Когда 22 января Селим приблизился к северным окраинам Каира, от боевого духа солдат Туман-бея не осталось и следа. Многие не явились в свои части. На улицы Каира были отправлены глашатаи, зачитывавшие приказы о том, что все дезертиры будут повешены перед дверями собственных домов. В конце концов Туман-бей сумел собрать под своим командованием примерно 20 000 мамлюкских солдат, кавалеристов и бедуинских ополченцев. Памятуя о горьком опыте Мардж Дабика, Туман-бей отменил запрет на огнестрельное оружие и вооружил своих солдат мушкетами. Также вдоль линии обороны было выставлено 100 возов с заранее изготовленными легкими пушками. Жители Каира всячески старались подбодрить своих защитников и молились за них. Но в день битвы некогда не знавшая поражений мамлюкская армия представляла собой сборище людей, думавших не столько о победе, сколько о собственном выживании.

Сражение состоялось 23 января 1517 года. Как писал Ибн Ийас, это была «жестокая битва... одно лишь упоминание о которой вселяет ужас в сердца мужчин и приводит в страх их разум». Барабаны возвестили начало боя, и мамлюкская кавалерия ринулась на превосходящие силы противника. По словам Ибн Ийаса, произошедшее оказалось еще страшнее, чем поражение на равнине Мардж Дабик. Османы хлынули «со всех сторон, как полчища саранчи... грохот их мушкетов оглушал... их атаки были неистовы». За первый час сражения мамлюкские защитники понесли тяжелые потери и начали отступать. Туман-бей удерживал свои позиции дольше других командиров, но в конце концов и он был вынужден отойти, поклявшись однажды снова встретиться с османами на поле боя¹³.

Победоносная османская армия вступила в Каир и три дня грабила город. Беспомощным горожанам, оставленным на милость победителей, оставалось только смотреть, как громят их дома и похищают имущество. Единственным, кто мог защитить их от насилия османских солдат, был сам османский султан, и жители Каира лезли из кожи вон, чтобы продемонстрировать свою покорность новому хозяину. Пятничные молитвы в мечетях, которые раньше совершались в честь мамлюкского султана, отныне благословляли султана Селима, что в исламском мире было одним из традиционных способов признания власти нового правителя. «Да хранит Всевышний Султана, – возглашали имамы, – сына султана, владыку двух суш и двух морей, победителя двух армий, султана двух Ираков, служителя двух святынь, победоносного властителя шаха Селима. О, Аллах, Господин обоих миров, да будет султан навеки непобедим!» Селим Грозный благосклонно принял столь ревностное проявление верноподданнических чувств со стороны каирского населения и приказал своим министрам объявить всеобщее помилование и восстановить общественный порядок.

Султан Селим ждал почти две недели после победы над мамлюкской армией, прежде чем вступить в город. Только тогда жители Каира впервые увидели своего нового властителя. Вот как описывает его Ибн Ийас:

Когда султан ехал по городу, все население собралось, чтобы приветствовать его. Рассказывали, что у него довольно светлая кожа, гладко выбритый подбородок, крупный нос и большие глаза. Он был невысокого роста, а его голову венчал небольшой тюрбан. Он все время поворачивал голову из стороны в сторону, выдавая свой беспокойный и несдержанный нрав. На вид ему было около сорока лет. В нем не наблюдалось достоинства

¹² Salmon, Account of the Ottoman Conquest, 92–95; Wiet, Journal d'un bourgeois du Caire, 117–120.

¹³ Там же, 137–139.

прежних султанов. Он был злобен, кровожаден, вспыльчив, жесток и нетерпим ко всякому несогласию¹⁴.

Селим не мог чувствовать себя в Каире спокойно, пока мамлюкский султан оставался на свободе. Он знал, что, пока Туман-бей жив, его сторонники будут пытаться восстановить его власть. Только смерть – причем публичная – могла похоронить эти надежды. Возможность разделаться со своим противником Селим Грозный получил в апреле 1517 года, когда бедуйский шейх, у которого скрывался Туман-бей, выдал его османам. Селим заставил Туман-бея пройти через весь Каир, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что это действительно свергнутый мамлюкский султан. Шествие завершилось у ворот Баб-Зувайла, где палачи схватили Туман-бея и повесили на глазах у объятых ужасом толпы. Веревка порвалась – некоторые утверждали, что она порвалась дважды, – словно сами небеса не желали допускать убийство султана. «Когда его душа покинула тело, толпа издала пронзительный крик, – так один летописец описал потрясение людей от увиденного. – Никогда в прошлом правителя Египта не вешали на воротах города, никогда!»¹⁵

Но для османского султана смерть Туман-бея была поводом для празднования. Покончив с династией мамлюков, Селим завершил завоевание их империи, и отныне все их земли и богатства перешли к его собственной династии. Он расширил границы Османской империи, добавив к ней Сирию, Египет и аравийскую провинцию Хиджаз, и теперь мог вернуться в Стамбул триумфатором. Завоевание Хиджаза имело особое значение. Эту провинцию почитают колыбелью ислама, поскольку именно здесь, в Мекке, пророку Мухаммаду были ниспосланы первые откровения Корана, и он создал первую мусульманскую общину. Отныне Селим присовокупил к своему титулу султана официальный титул Служителя и Хранителя двух святынь ислама: Мекки и Медины. Эти завоевания сделали Селима правителем величайшей исламской империи в мире.

Перед отъездом из Каира Селим захотел посмотреть представление одного из знаменитых египетских театров теней – кукольного театра, где используются освещенный экран и плоские марионетки. Селим наслаждался спектаклем в одиночестве. Кукольник показал ему сцену повешения султана Туман-бея на воротах Баб-Зувайла. Когда веревка порвалась во второй раз, османский султан «нашел зрелище очень забавным. Он дал кукольнику 200 динаров и подарил бархатный плащ. "Когда мы поедем в Стамбул, ты поедешь вместе с нами, чтобы показать это представление моему сыну", – сказал ему Селим»¹⁶. Через три года его сын Сулейман унаследовал османский трон и все мамлюкские земли, покоренные отцом.

Завоевание османами империи мамлюков стало ключевым поворотным моментом в арабской истории. Судьбоносная битва на равнине Мардж Дабик ознаменовала собой конец Средневековья и начало современной эпохи в арабском мире. Впервые после возникновения ислама арабами стали править из неарабской столицы. Первая мусульманская халифская династия Омейядов (661–750) имела своей столицей Дамаск. Аббасиды (750–1258) правили величайшей мусульманской империей своего времени из Багдада. Основанный в 969 году Каир служил столицей не менее чем четырем династиям до прихода к власти мамлюков в 1250 году. Но начиная с 1517 года арабам пришлось подчиняться правителям, находящимся за пределами их земель, и эта политическая реальность стала одним из определяющих факторов современной арабской истории.

Как бы то ни было, переход из-под мамлюкского под османское господство оказался не столь тяжким, как многие изначально опасались, наблюдая за кровавыми завоеваниями

---

¹⁴ Там же, 140–43.

¹⁵ Wiet, *Journal d'un bourgeois du Caire*, 171–172.

¹⁶ Там же, 187.

Селима Грозного. Тюркоязычные чужеземцы правили арабами начиная с XIII века, и османы оказались во многом похожи на мамлюков. Элиты обеих империй вели происхождение от христианских рабов. Обе империи были бюрократическими государствами, соблюдавшими законы шариата и защищавшими исламские земли от внешних угроз благодаря сильным армиям. К тому же в то время было слишком рано говорить о какой-либо «арабской идентичности», которая могла бы заставить народ воспротивиться «иностранному» правлению. До наступления эпохи национализма идентичность арабов была связана с их родным племенем или городом. Если арабы идентифицировали себя в более глобальном плане, то скорее на религиозной, чем этнической основе. И поскольку большинство арабов были суннитами, османы оказались для них вполне приемлемыми правителями. Тот факт, что административный центр переместился из арабских земель в Стамбул – город на стыке Европы и Азии, мало волновал людей того времени.

Судя по всему, арабские народы оценивали переход от мамлюкского к османскому правлению с сугубо прагматической, а не идеологической точки зрения. Их куда больше беспокоили вопросы безопасности и порядка, а особенно разумного налогообложения, чем проблема перехода арабов под правление турок. Египетский историк Абд ар-Рахман аль-Джабарти в начале XIX века вполне уважительно описывал начало османского владычества в арабских землях:

В первое время османы были одними из лучших правителей исламского мира со времен четырех праведных халифов¹⁷. Они были самыми могущественными защитниками религии и врагами неверных и благодаря завоеваниям, благословленным самим Всевышним, стремительно расширяли свои владения. Они правили лучшими обитаемыми землями под этим небом. И все новые земли подчинялись их власти. Они не пренебрегали государством, но защищали его и его границы. Они поддерживали соблюдение исламских обрядов, почитали религиозных лидеров, оберегали две святыни – Мекку и Медину – и блюли справедливость, руководствуясь законами шариата. Их правление несло с собой стабильность и безопасность; другие правители трепетали перед ними, а свободные люди и рабы покорялись им¹⁸.

Жители сирийских деревень и городов нисколько не оплакивали кончину мамлюкской империи. Ибн Ийас рассказывает, что в Алеппо горожане, немало пострадавшие от непомерных налогов и произвола прежних хозяев, закрыли ворота перед отступающими после Мардж Дабика мамлюками и «обращались с ними хуже, чем сами османы». Когда же в Алеппо вступил Селим Грозный, «город был освещен праздничными огнями, в лавках на базарах горели свечи, в честь него возносились молитвы, и народ ликовал», радуясь своему освобождению от господства мамлюков¹⁹. Согласно дамаскому историку Мухаммаду Ибн Тулуну (1475–1546), жители Дамаска также спокойно отнеслись к смене власти. Описывая последние годы правления мамлюков, он жалуется на непосильное налоговое бремя, жадность чиновников, бездействие центрального правительства, беспринципность мамлюкских эмиров, отсутствие безопасности в сельской местности и серьезные экономические проблемы, явившиеся следствием плохого управления²⁰. Об османах же Ибн Тулун, напротив, отзывался положительно, утвер-

¹⁷ Праведные халифы – Абу Бакр, Умар, Усман и Али – были первыми преемниками пророка Мухаммада, правившими ранней мусульманской общиной в VII веке. Их сменили халифы династии Омейядов, которые правили из Дамаска в 661–750 годах.

¹⁸ Thomas Philipp and Moshe Perlmann, eds., 'Abd al-Rahman al-Jabarti's History of Egypt, vol. 1 (Stuttgart: Franz Steiner, 1994), 33.

¹⁹ Salmon, Account of the Ottoman Conquest, 46–49; Wiet, Journal d'un bourgeois du Caire, 69–72.

²⁰ Хроники Шамс ад-Дина Мухаммада Ибн Али Ибн Тулуна (ок. 1485–1546) «Основные сведения о турецких губернаторах Великого Дамаска» были отредактированы и переведены на французский язык Анри Лаустом: Henri Laoust, Les Gouverneurs

жда, что они принесли в провинцию Дамаск законность и порядок, а также установили разумные налоги.

На Османскую империю крах мамлюкского султаната повлиял, вероятно, гораздо сильнее, чем на арабский мир. Сердцем империи были Анатолия и Балканы, а ее столица Стамбул располагалась на стыке европейской и азиатской частей. Жители удаленных от имперского центра арабских территорий пополнили собой и без того весьма разнородное население империи. На тот момент арабов трудно было назвать единым народом. Общий для них арабский язык имел множество диалектов, так что жители Аравийского полуострова, Плодородного полумесяца и Северной Африки не понимали друг друга. Тогда как большинство арабов были (и поныне являются) мусульманами-суннитами, как и османские турки, среди них имелись довольно значительные по численности общины, исповедующие другие направления ислама, христианство и иудаизм. Арабскому миру было присуще и огромное культурное разнообразие, с очень разными архитектурными, музыкальными и кулинарными традициями в разных регионах. Арабские народы были разделены также историческим прошлым, поскольку на протяжении многих веков ими правили разные халифские династии. Присоединение арабских земель коренным образом изменило не только географические границы, но и культурный и демографический облик Османской империи.

В первую очередь перед османами стояла задача создания работоспособной административной системы в своих новых арабских провинциях. Эти земли были присоединены к Османской империи в период быстрого расширения ее границ в Персии, Черноморском регионе и на Балканах. Территория империи увеличивалась так быстро, что правительство не успевало готовить квалифицированных чиновников-управленцев. В результате стандартная османская система администрирования внедрялась только в регионах, находящихся ближе к центру империи, таких как город Алеппо на севере Сирии. В более удаленных от Анатолии регионах османы старались сохранить существующий политический порядок и обеспечить постепенный переход к новой власти. Будучи больше прагматиками, нежели идеологами, османы были заинтересованы не столько в навязывании арабам своего порядка, сколько в поддержании мира и стабильности и регулярном сборе налогов со своих новых владений. Поэтому в первые годы после завоевания политико-административное устройство арабских провинций характеризовалось значительным разнообразием и высокой степенью автономии.

Первой задачей, вставшей перед османами в Сирии и Египте, было формирование лояльного правительства во главе с мамлюками. Только у мамлюков имелись необходимые знания и опыт, чтобы успешно управлять этими регионами от лица османов. Однако рассчитывать на их благонадежность было сложно. В первое десятилетие османского правления произошло несколько кровопролитных восстаний, организованных мамлюками, которые хотели отсоединиться от Османской империи и восстановить свою власть в Сирии и Египте.

В первые несколько лет после завоевания существовавшие там государственные институты фактически не менялись. Османы поставили во главе них мамлюкских эмиров, или «военачальников». Бывшие мамлюкские земли они разделили на три провинции со столицами в Алеппо, Дамаске и Каире. Провинция Алеппо стала первой, полностью перешедшей под османское правление. С назначением османского наместника она тесно интегрировалась в политическую и экономическую жизнь империи. Хотя местное население тогда не могло этого знать, с османским завоеванием в Алеппо начался настоящий золотой век, продлившийся вплоть до XVIII столетия. Город стал одним из ключевых центров сухопутной торговли между Азией и Средиземноморьем. Несмотря на удаленность от побережья почти на 80 км, в Алеппо размещались конторы многочисленных голландских, британских и французских компаний,

что превращало его в один из самых космополитичных городов арабского мира²¹. Когда в пьесе Шекспира «Макбет» ведьма говорила о жене моряка: «Ушел на "Тигре" муж ее в Алеппо» (акт I, сцена 3), зрители в «Глобусе» прекрасно понимали, о чем идет речь.

Наместниками в Дамаске и Каире султан Селим назначил мамлюков. Стоит заметить, что он вряд ли мог выбрать двух более разных людей. Правителем Дамаска стал Джанберди аль-Газали, бывший мамлюкский наместник в Сирии, доблестно сражавшийся с османами в битве на равнине Мардж Дабик. После этого сражения он атаковал авангард османской армии в Газе, где его отряд был разгромлен, а сам он получил ранение. С остатками своего войска он отступил в Каир и вместе с Туман-беем защищал город от османов. Очевидно, Селим уважал Джанберди за смелость и преданность своему султану и надеялся, что тот будет так же относиться к новому властителю. В феврале 1518 года Селим наделил Джанберди всеми полномочиями эмира Дамаска в обмен на ежегодную дань в 230 000 динаров²². Разумеется, в передаче такой власти одному лицу без всякой системы сдержек и противовесов имелись явные риски, но, похоже, у Селима не было иного выбора.

Своим наместником в Каире он выбрал Хайр-бея, бывшего мамлюкского эмира Алеппо. Накануне сражения на равнине Мардж Дабик Хайр-бей вступил в тайные переговоры с Селимом и перешел на его сторону. Именно предательство Хайр-бея привело к быстрому и сокрушительному разгрому мамлюкской армии в этой решающей битве. Он был арестован Туман-беем и брошен в каирскую тюрьму. После захвата Каира Селим освободил Хайр-бея и наградил бывшего эмира Алеппо за его заслуги. Однако Селим никогда не забывал, что Хайр-бей однажды уже предал своего правителя, и, как пишет Ибн Ийас, называл его «Каин-беем» или «Господином предателем»²³.

Пока султан Селим был жив, никто в арабских землях не пытался бросить вызов османскому господству. Но в октябре 1520 года распространилась весть о смерти Селима и восхождении на трон его наследника Сулеймана. Некоторые мамлюки сочли, что клятвы верности относились только к султану Селиму, завоевавшему их земли, но не к династии в целом, поэтому со сменой верховной власти в арабских провинциях началась череда восстаний.

Первое было поднято в Дамаске не кем иным, как Джанберди аль-Газали. Лелея надежду восстановить мамлюкскую империю, тот объявил себя султаном и принял мамлюкский высший титул «аль-малик аль-ашраф» («самый благородный правитель»). Он облачился в мамлюкскую одежду и светлый тюрбан и запретил жителям Дамаска одеваться как османы. Он также запретил имамам упоминать в пятничных молитвах имя султана Сулеймана и принялся очищать Сирию от османских солдат и чиновников. К его восстанию присоединились города Триполи, Хомс и Хама. Вскоре Джанберди собрал армию и двинулся на Алеппо²⁴.

Однако население Алеппо сохранило верность османскому султанату. Люди оплакивали смерть Селима и в пятничных молитвах благословляли нового султана Сулеймана. Когда эмир узнал о подходе повстанческой армии, он в спешном порядке бросился укреплять оборону города. В декабре армия Джанберди осадила Алеппо. Повстанцы обстреливали городские ворота из пушек и пускали через стены укреплений горящие стрелы, но защитники быстро восстанавливали повреждения и сдерживали натиск повстанцев. После 15 дней безуспешной осады Джанберди был вынужден отступить. В ходе этого противостояния погибло около 200 жителей Алеппо и множество солдат²⁵.

²¹ Bruce Masters, *The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750* (New York: New York University Press, 1988).

²² Laoust, *Les Gouverneurs de Damas*, 151.

²³ Salmon, *Account of the Ottoman Conquest*, 49; Wiet, *Journal d'un bourgeois du Caire*, 72.

²⁴ Laoust, *Les Gouverneurs de Damas*, 154–157.

²⁵ Из хроники Ибн Джума (умер после 1744 года), приведенной в книге: Laoust, *Les Gouverneurs de Damas*, 172.

Видя, что пламя мятежа не разгорелось, как он планировал, Джанберди вернулся в Дамаск, чтобы консолидировать силы. В феврале 1521 года он вступил в сражение с османской армией на подходах к Дамаску. Но его войско потерпело поражение, а самопровозглашенный султан был убит. Паника охватила Дамаск. Своей поддержкой Джанберди и его мятежа дамасцы лишили себя привилегий мирного подчинения османскому правлению.

Разгромив силы мятежников, армия османов вошла в Дамаск. По словам Ибн Тулуна, больше 3000 человек были убиты, городские кварталы и соседние деревни разграблены, а женщины и дети уведены в плен. Голова Джанберди и отрезанные уши тысячи убитых повстанцев отправили в Стамбул в качестве трофеев²⁶. Мамлюкское правление в Дамаске подошло к концу. Отныне провинцией стал править османский наместник, присланный из Стамбула.

В Египте антиосманские восстания вспыхивали неоднократно. Несмотря на то что Селим не доверял своему наместнику в Каире и называл его «Господином предателем», Хайр-бей успешно поддерживал османскую власть в провинции вплоть до своей смерти в 1522 году. Османам потребовался почти год, чтобы найти ему достойную замену. Воспользовавшись этим периодом безвластия, двое эмиров из Среднего Египта в мае 1523 года подняли мятеж при поддержке ряда мамлюков и бедуинских вождей. Находившаяся в Египте османская армия быстро подавила восстание, многие из повстанцев-мамлюков были заключены в тюрьму или убиты.

Инициатором следующего восстания оказался новый османский правитель Египта Ахмед-паша, мечтавший стать великим визирем, т. е. премьер-министром Османской империи. Раздосадованный своим назначением, Ахмед-паша решил сделаться независимым правителем Египта. Вскоре после своего прибытия в Каир в сентябре 1523 года он принялся разоружать размещенные в городе османские войска и отправлять солдат на кораблях в Стамбул. Он выпустил из тюрем мамлюков и бедуинов, брошенных туда за участие в предыдущем восстании. В конце концов Ахмед-паша объявил себя султаном и приказал своим сторонникам уничтожить оставшиеся в каирской цитадели османские войска. Как и Джанберди, он приказал совершать пятничные молитвы в свою честь и начал чеканить монеты с собственным именем. Но мятеж продлился недолго. Противник напал на Ахмед-пашу и заставил отступить из города, после чего его схватили и в марте 1524 года обезглавили. Стамбул направил в Каир нового наместника, поручив ему положить конец влиянию мамлюков и расширить в Египте власть центрального правительства. В дальнейшем своим грамотным правлением султан Сулейман сумел заслужить лояльность арабских подданных, и до конца его пребывания на престоле те больше не поднимали восстаний.

В течение десятилетия после завоевания и Египет, и Сирия, и Хиджаз полностью перешли под османское правление. Все решения и законы, по которым жили эти провинции и империя в целом, принимались в Стамбуле. Управляющая империей пирамида власти подчинялась султану, абсолютному монарху. Тот жил во дворце Топкапы, за высокими стенами, на холме, откуда открывался вид на имперскую столицу, пролив Босфор и залив Золотой Рог. За стенами располагались канцелярии великого визиря и его министров. Благодаря великолепным воротам, которые вели в этот правительственный комплекс, османское правительство прозвали Блистательной Портой, или просто Портой (на турецком языке *Баб-и али*, или «Высокие ворота»). Эти два института – султанский двор и Блистательная Порта – устанавливали законы и порядки для всей империи, включая арабские провинции.

С новой властью пришли и новые административные практики. В XVI веке Османская империя жила при феодализме: центральная власть раздавала земли военачальникам. Те были

---

²⁶ Хроники Ибн Джумы и Ибн Тулуна почти идентичны; более поздний летописец почти дословно повторяет некоторые пункты повествования Ибн Тулуна. Laoust, *Les Gouverneurs de Damas*, 154–159 и 171–174.

обязаны обеспечивать отправление правосудия и сбор налогов на своих землях, а также содержать на доходы от них определенное количество экипированных конных воинов и выплачивать в центральную казну установленную сумму в виде налогов. В отличие от европейского феодализма, в Османской империи система владения землями не была наследственной, что исключало возможность формирования могущественной аристократии, способной соперничать за власть с султаном. Эта система идеально отвечала потребностям империи, территория которой расширялась так стремительно, что государство не успевало готовить чиновников-управленцев. Чиновники занимались в основном ведением учета государственной собственности. Они составляли подробные налоговые регистры, где для каждой деревни указывалось точное количество подлежащих налогообложению мужчин, домашних хозяйств, полей и размеры доходов. Эти регистры должны были обновляться каждые 30 лет, однако уже к концу XVI века государство начало пренебрегать налоговым учетом, и в XVII веке эта практика была прекращена²⁷.

Новые османские провинции в Сирии – Алеппо, Дамаск, а затем и прибрежная провинция Триполи (современный Ливан) – были разделены на более мелкие административные единицы и переданы во владение османским военачальникам. Наместник провинции получал самый большой земельный надел; второй по размеру надел доставался военному командиру провинции, а остальные офицеры наделялись владениями в соответствии с их рангом и количеством солдат, которых они должны были предоставлять для военных кампаний султана²⁸. Эта модифицированная феодальная система никогда не применялась в Египте, которым османы продолжали управлять в непростом партнерстве с мамлюкскими командирами.

Чиновники, назначавшиеся центральным правительством на административные посты в арабских провинциях, как правило, не были арабами. Как и у мамлюков, в Османской империи была своя система подбора невольников – так называемая *девширме*. Ее иногда называют «налогом кровью». Ежегодно в христианских деревнях, главным образом балканских провинций, отбирали мальчиков, которых отправляли затем в Стамбул, обращали там в ислам и обучали, чтобы те посветили свои жизни служению империи. Атлетичные мальчики проходили военную подготовку и пополняли ряды янычар (так назывались элитные подразделения османской регулярной пехоты). Мальчики с интеллектуальными способностями обучались, чтобы служить потом во дворце султана или в правительственных канцеляриях.

На современный взгляд подобная «дань мальчиками» выглядит варварством: детей отнимали у родителей, забирали в рабство и насильственно обращали в ислам. Однако в те времена это было единственным способом подняться вверх по социально-экономической лестнице в жестко структурированном обществе. Благодаря девширме сын крестьянина мог стать генералом и даже великим визирем. На деле фактически вся верхушка османской армии и государственной иерархической пирамиды состояла именно из мужчин-девширме. В то же время арабы, будучи в подавляющем большинстве свободнорожденными мусульманами, оказались исключены из этой системы и, как следствие, практически не были представлены в правящей элите ранней Османской империи²⁹.

Одним из важнейших нововведений султана Сулеймана I стало определение структуры административного управления каждой османской провинции (вилаята) в законодательной форме. Известный в Европе как Сулейман Великолепный, в своей империи он был награжден прозвищем *Кануни*, что в переводе с турецкого означает «законодатель» (или «справедливый»). Прошло больше двух веков после смерти Сулеймана, а египетский историк аль-

²⁷ Amnon Cohen and Bernard Lewis, *Population and Revenue in the Towns of Palestine in the Sixteenth Century* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978), 3–18.

²⁸ Muhammad Adnan Bakhit, *The Ottoman Province of Damascus in the Sixteenth Century* (Beirut: Librairie du Liban, 1982), 91–118.

²⁹ I. Metin Kunt, *The Sultan's Servants: The Transformation of Ottoman Provincial Government, 1550–1650* (New York: Columbia University Press, 1983), 32–33.

Джабарти превозносил достоинства проведенных им правовых и административных реформ: «Султан Сулейман Кануни установил принципы государственного управления, завершил формирование империи и определил административную организацию провинций. Подобно светочу, он озарил тьму сияющим светом правой веры и затмил огонь неверных. С тех дней и поныне Египет остается частью его империи и повинуетя ей»³⁰. Принципы административного управления каждой провинцией были изложены в законодательных документах, известных как *канун-наме*, или «законоположения». В них четко прописывались отношения между наместниками и налогоплательщиками и определялись права и обязанности каждой стороны, что для той эпохи было верхом подотчетности в государственном управлении.

Первый провинциальный свод законоположений был введен в действие в Египте сразу после восстания Ахмед-паши в 1525 году. Великий визирь Сулеймана I Ибрагим-паша использовал введение *канун-наме* для укрепления власти султана над Египтом. Это поразительно всеобъемлющий документ, в котором в мельчайших деталях прописана вся структура административного управления вплоть до уровня деревень. В нем определяются обязанности государственных служащих по обеспечению безопасности, сбору налогов и поддержанию ирригационной системы. Устанавливаются четкие правила межевания земель, использования пожертвований верующих, обслуживания зернохранилищ и управления морскими портами. И даже указывается, как часто наместник должен встречаться со своим государственным советом (четыре раза в неделю, как и великий визирь с имперским советом в Стамбуле)³¹.

Чтобы обеспечить соблюдение законов, управленцы в Османской империи нуждались в дисциплинированной и надежной военной силе. Наместники провинций имели под своим командованием подразделения османской регулярной армии, включая янычар, а также нерегулярные войска, рекрутируемые из местного населения. Командир янычар назначался Стамбулом. В таком городе, как Дамаск, порядок обеспечивался полком янычар численностью от 500 до 1000 человек, а также несколькими кавалерийскими подразделениями, содержавшимися за счет провинциальной казны. Согласно османским источникам, в провинциях Алеппо, Триполи и Дамаск в последней четверти XVI века насчитывалось в общей сложности больше 8000 кавалеристов³². Эти силы дополнялись рекрутами-пехотинцами из числа местных жителей и североафриканскими наемниками.

Третьим элементом османской администрации, наряду с наместниками и военными, была судебная система. Центральное правительство направляло в каждую провинциальную столицу старшего судью, который председательствовал в исламском суде. Хотя христиане и евреи имели право разрешать споры в судах своих общин, многие предпочитали обращаться в мусульманский суд. Османские суды выполняли широкий спектр функций. В судах публично зачитывались и заносились в судебные реестры все имперские указы из Стамбула. Помимо рассмотрения уголовных дел суды занимались арбитражным разрешением споров, выполняли нотариальные функции, регистрируя коммерческие договоры и сделки по обмену земельными участками, а также регистрировали браки и разводы, назначали пособия для вдов и сирот и распределяли личное имущество умерших. Все дела аккуратно фиксировались в судебных реестрах, многие из которых сохранились до наших дней, что дает нам бесценную возможность познакомиться с повседневной жизнью населения Османской империи.

Султан Сулейман I оказался одним из самых успешных правителей Османской империи. За 46 лет пребывания у власти (1520–1566) он завершил завоевание арабского мира, начатое его отцом. В 1533–1538 годах Сулейман захватил принадлежавшие персидской империи

³⁰ Philipp and Perlmann, *Al-Jabarti's History of Egypt*, vol. 1, 33.

³¹ Michael Winter, *Egyptian Society Under Ottoman Rule, 1517–1798* (London: Routledge, 1992), 16–17.

³² Bakhit, *Ottoman Province of Damascus*, 105–106.

Сефевидов Багдад и Басру, где суннитское население приветствовало османскую армию как освободителей после многих лет гонений со стороны шиитов. Завоевание Ирака стало важным событием как в стратегическом, так и в идеологическом плане. Подчинив себе древнюю арабскую столицу Багдад и остановив наступление шиитского ислама на суннитские земли, Сулейман I консолидировал свою империю.

В 1530–1540 годы он начал продвижение к югу от Египта и захватил земли Йемена. С 1525 по 1574 год присоединил к Османской империи так называемые вассальные даннические государства на Средиземноморском побережье Ливии, Туниса и Алжира. К концу XVI века все арабские земли были в той или иной степени подконтрольны османам, за исключением Центральной Аравии и султаната Марокко, которым удалось сохранить независимость.

Поскольку все арабские территории включались в состав Османской империи в разное время и при разных обстоятельствах, имея свои исторические корни и системы управления, история османского владычества в каждой из этих провинций уникальна и формировалась под влиянием местных условий.

Земли в Северной Африке были присоединены к Османской империи не традиционными военными методами, а благодаря пиратству, хотя, как говорится, кто для одних пират, тот для других адмирал. Возьмем знаменитого английского пирата XVI века сэра Фрэнсиса Дрейка. Он был вице-адмиралом и одним из самых доверенных советников Елизаветы I, помог Англии разгромить испанскую Непобедимую армаду и получил рыцарский титул из рук самой королевы. Похожая судьба была и у Хайр ад-Дина Барбароссы, получившего от европейцев такое прозвище из-за рыжей бороды. В истории Османской империи он остался одним из величайших адмиралов, но для испанцев был безжалостным пиратом, грозой капитанов, бороздивших Средиземное море, работоторговцем, продавшим в неволю тысячи пленных христианских моряков. Для жителей североафриканского побережья он был воином Аллаха, ведущим священную войну против испанских захватчиков, а его пиратские трофеи были важной составляющей их местной экономики. Наконец, для османов он был соотечественником, родившимся около 1466 года на Эгейском острове Митилена (Лесбос) неподалеку от побережья Турции.

На пороге XVI века западное Средиземноморье стало ареной ожесточенного противостояния между христианами и мусульманами. С падением Гранады в 1492 году испанцы завершили завоевание Пиренейского полуострова, положив конец почти восьмивековому мусульманскому владычеству (711–1492). В новой католической Испании религиозный прозелитизм принял форму принудительного обращения в христианство, и большинство иберийских мусульман были вынуждены бежать в Северную Африку. Эти беженцы, *мориски*, не забыли свою родину и не простили испанцев. Но испанские монархи Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский принесли священную войну и на мусульманские земли в Северной Африке, где нашли убежище мориски. Испанцы создали ряд крепостей-колоний, так называемых *пресидио*, вдоль североафриканского побережья от Марокко до Ливии и заставили местных вождей платить дань испанской короне. Две из этих крепостей-колоний – Сеута и Мелилья – и сегодня остаются испанскими анклавами на марокканском побережье.

Прибрежные мусульманские мини-государства почти не сопротивлялись агрессивной экспансии испанцев. Правившие северо-западной Африкой местные династии – в Фесе (находился на территории современного Марокко), Тлемсене (Алжир) и Тунисе – предпочитали платить дань испанской короне и не осмеливались нападать на испанские крепости, контролировавшие ключевые порты и гавани. Покорность мусульманских правителей испанцам дискредитировала их в глазах собственных подданных, и вскоре местные ревнители веры организовали движение сопротивления захватчикам. Поскольку крепости-колонии снабжались только по морю, решено было нападать не на хорошо укрепленные цитадели, а на испанские суда. Местные моряки вооружили свои корабли и повели джихад на море. В Европе их прозвали

берберийскими пиратами (либо от греческого слова *barbaros* – «варвар», либо, по другой версии, от названия североафриканского народа берберов). Как и обычные корсары, берберийские пираты грабили испанские суда и продавали их команды в рабство, однако считали свой разбой священной войной с захватчиками. Дерзкие нападения на христиан превращали пиратов в местных героев и обеспечивали им горячую поддержку среди арабского и берберского населения побережья.

Самым известным берберийским пиратом был Хайр ад-Дин Барбаросса. Его брат Арудж также был корсаром и создал независимое мини-государство в небольшом порту Джеджель к востоку от Алжира. Постепенно расширяя границы своих владений вдоль алжирского побережья, в 1517 году Арудж захватил город Тлемсен. Но в следующем году испанцы атаковали Тлемсен и убили его правителя. Хайр ад-Дин Барбаросса оказался более дальновиден. Понимая, что пираты нуждаются в поддержке могущественного союзника, если хотят сохранить свои завоевания от посягательств испанской короны, он вступил в союз с Османской империей.

В 1519 году Хайр ад-Дин отправил к османскому двору своего представителя с богатыми дарами и посланием от алжирского народа, просившего у султана защиты и предлагавшего перейти под его правление. Хотя Селим Грозный находился при смерти, он согласился присоединить алжирское побережье к Османской империи. Посланник Хайр ад-Дина вернулся домой с османским флагом и отрядом из 2000 янычар. Отныне за спиной берберийских корсаров стояла величайшая мусульманская империя в мире, что радикально изменило баланс сил в западном Средиземноморье.

Воодушевленные союзом с османами, берберийские пираты распространили свои вылазки далеко за пределы прибрежных вод Северной Африки. Хайр ад-Дин Барбаросса и его люди стали нападать на итальянские и испанские города и на Эгейские острова. В 1520-х годах Барбаросса захватывал перевозившие зерно европейские корабли и, словно Робин Гуд, раздавал добычу жителям алжирского побережья, пострадавшего от засухи. На своих судах он спасал бегущих из Испании морисков и перевозил их в безопасные места, где они присоединялись к борьбе против испанцев.

Но наибольшую славу Хайр ад-Дину принесли дерзкие нападения на испанский флот. Он топил галеры, освобождал мусульманских рабов и захватывал десятки вражеских кораблей. Имя Барбароссы вызывало страх по всему испанскому и итальянскому побережью. Количество плененных им христиан исчислялось тысячами. За дворян он требовал огромный выкуп, а простолюдинов продавал в неволю. Мусульманские корсары видели в этом высшую справедливость: в прошлом многие из них были взяты в плен испанцами и отправлены на галеры.

Испанцам срочно требовался адмирал, способный совладать с Хайр ад-Дином Барбароссой. И в 1528 году король Карл V нашел такого человека – прославленного флотоводца, генуэзца Андреа Дориа (1466–1560). Тот имел собственный флот из боевых галер и нанимался на службу к европейским монархам. По сути, он был таким же корсаром, как Барбаросса.

Дориа был выдающимся адмиралом, но Хайр ад-Дин Барбаросса оказался адмиралом от бога. За 18 лет их противостояния Дориа редко удавалось взять верх над своим рыжебородым противником. Их первое столкновение в 1530 году было весьма показательным. После короткой осады в 1529 году Хайр ад-Дин захватил испанскую крепость в Алжирском заливе. Он заставил обращенных в рабство испанцев разобрать форт и соорудить из камней мол для защиты гавани. Карл V пришел в ярость от потери стратегически важной крепости и созвал государственный совет. Андреа Дориа предложил атаковать порт Шершель к западу от Алжира. В 1530 году Дориа с отрядом испанцев высадился под Шершелем. Они освободили несколько сотен христианских рабов, однако столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны населявших город морисков, которые ненавидели испанцев. Хайр ад-Дин отправил в Шершель помощь, и Дориа, побоявшись вступать в сражение с крупным османским флотом, увел свои корабли, бросив испанских солдат на берегу. Многие из них погибли, остальных

взяли в плен и продали в рабство. Так Хайр ад-Дин Барбаросса нанес испанской короне два поражения и укрепил свои позиции в Алжире.

Этой победой он также поднял себя в глазах османского султана Сулеймана Великолепного, который в 1532 году пригласил его в Стамбул. Собрав флотилию из 44 кораблей, Барбаросса направился в имперскую столицу, по пути разорив побережье Генуи и Сицилии и захватив 18 христианских кораблей, которые он также разграбил и сжег. Прибыв во дворец, Барбаросса был препровожден к султану, распростерся перед ним ниц и поцеловал землю. Сулейман попросил пирата подняться и объявил, что назначает его главнокомандующим Османским флотом, т. е. капуданом-пашой, и эмиром морских провинций. На протяжении всего визита в Стамбул Хайр ад-Дин жил в султанском дворце и регулярно встречался с Сулейманом для обсуждения военно-морской стратегии. Во время прощальной дворцовой церемонии султан прикрепил к тюбану Барбароссы золотую медаль в знак своей благодарности капудану-паше за его заслуги в расширении территории Османской империи в Северной Африке и в борьбе против испанской короны³³.

По возвращении из Стамбула Хайр ад-Дин начал готовиться к следующей крупной кампании – завоеванию Туниса. Он собрал почти 10-тысячное войско и в августе 1534 года взял Тунис без боя. Теперь османы контролировали североафриканское побережье от Туниса до Алжира, поставив под угрозу господство испанцев в западном Средиземноморье. Андреа Дориа посоветовал Карлу V изгнать корсаров из Туниса. Испанский король согласился и решил лично возглавить поход. Огромная флотилия из «галер, галеонов, карраков, фуст, бригантин и других кораблей всех видов» с испанскими, немецкими, итальянскими и португальскими солдатами на борту – всего около 24 000 солдат и 15 000 лошадей – двинулась на Тунис. «Мы отправились в путь, воззвав к нашему Создателю и попросив его покровительства и наставлений... – писал Карл V, – чтобы с божьей помощью сделать то, что представляется наилучшим для успешной победы над Барбароссой»³⁴.

Когда христианская флотилия подошла к Тунису, Хайр ад-Дин Барбаросса понял, что не сможет противостоять этой армаде, и отступил со своими войсками в Алжир. Тунис оказался в руках испанцев. В своих письмах Карл V писал, что они освободили 20 000 христианских рабов. Арабы же утверждали, что испанцы убили по меньшей мере столько же местных жителей. В стратегическом плане завоевание Туниса обеспечило испанцам полный контроль над Сицилийским (Тунисским) проливом, являющимся воротами в западное Средиземноморье, где у османских корсаров остался последний оплот в Алжирском заливе.

В 1541 году Карл V решил выжечь это пиратское гнездо, раз и навсегда покончив с Хайр ад-Дином Барбароссой. Он собрал армаду из 65 боевых галер и более чем 400 транспортных судов, перевозивших почти 36 000 солдат и осадные машины. В октябре объединенное христианское войско отправилось в Алжир. По словам алжирского историка Сейида Мурада, «их флотилия покрыла всю поверхность моря, насколько хватало взора. Кораблей было так много, что я не мог их сосчитать». Силы берберийских пиратов насчитывали 1500 османских янычар, 6000 морисков и несколько сотен ополченцев. Колоссальные силы вторжения превосходили их численностью больше чем в четыре раза, и положение Хайр ад-Дина Барбароссы казалось безнадежным. Пытаясь поднять боевой дух своих солдат, один из командиров сказал им: «Христианский флот огромен. Но не забывайте, что Аллах всегда помогает правоверным в борьбе с врагами веры»³⁵. Как пишет местный летописец, эти слова оказались пророческими.

³³ Манускрипт Сейида Мурада XVI века «Завоевания Хайр ад-Дин-паши» был опубликован в сокращенном переводе на французский язык в книге: Sander Rang and Ferdinand Denis, *Fondation de la régence d'Alger: Histoire de Barberousse* (Paris: J. Angé, 1837). Данный фрагмент содержится в томе 1, 306.

³⁴ John B. Wolf, *The Barbary Coast: Algeria Under the Turks* (New York: W. W. Norton, 1979), 20.

³⁵ Там же, 27.

Накануне дня вторжения погода резко ухудшилась. Разразился свирепый шторм, он бросал испанские корабли на берег и разбивал их о скалы. Высадившиеся на побережье солдаты страдали от проливных дождей и холодных ветров, а весь порох промок и стал непригоден для стрельбы. В этих условиях сабли и стрелы защитников оказались более эффективным оружием. Потеряв 150 кораблей и 12 000 человек убитыми и пленными, деморализованная армия европейцев была вынуждена отступить. Берберийские корсары нанесли своему главному врагу, испанцам, сокрушительное поражение и окончательно закрепились в Северной Африке. Это был величайший триумф Барбароссы, и он ежегодно отмечался в Алжире как праздник на протяжении всей эпохи османского правления.

Хайр ад-Дин Барбаросса умер пять лет спустя, в 1546 году, в возрасте 80 лет. Благодаря ему османы получили контроль над частью североафриканского побережья, и во второй половине XVI века преемники Барбароссы продолжили его дело, завоевав Триполи и Тунис. Османское правление этими корсарскими владениями в Северной Африке отличалось от того, что существовало в других арабских провинциях. После смерти Барбароссы власть в Алжире делили между собой назначенный Стамбулом наместник, адмирал османского флота и командующий османским янычарским корпусом. В середине XVII века правителем Алжира стал командир янычар, которые обосновались в Алжире и превратились в местных жителей. Ему помогал совет – *диван*. В 1671 году командир янычар был свергнут, и вместо него адмирал флота поставил во главе провинции местного гражданского правителя, *дея*³⁶. На протяжении многих лет реальная власть в Алжире принадлежала деям, хотя Стамбул продолжал назначать *пашу* (наместника), чьи полномочия имели скорее формальный характер. После 1710 года полномочия пашы перешли к деям, и контроль Стамбула над Северной Африкой заметно ослабел, поскольку деи пользовались полной автономией в обмен на небольшую ежегодную дань Ближневосточной Порте.

Поскольку османо-испанское соперничество в западном Средиземноморье завершилось, Порту такое положение дел вполне устраивало. Алжирские земли находились слишком далеко от Стамбула и были слишком малонаселенны, чтобы устанавливать там прямое османское правление без надежды окупить связанные с этим расходы. В результате берберийское побережье было типичной арабской провинцией, которая, хотя и вошла в состав Османской империи, по факту управлялась местной элитой. Османская империя установила свой контроль над стратегической мусульманской территорией и обеспечила пусть небольшой, но поток доходов при минимальных затратах для имперской казны. Это устраивало и алжирских деев, которые пользовались защитой могущественной Османской империи и в то же время широкой автономией в своих отношениях с морскими державами Средиземноморья. Такая система успешно функционировала в интересах обеих сторон вплоть до XIX века, когда ни деям, ни османам не хватило сил противостоять новой эре европейской колонизации Северной Африки.

В восточном Средиземноморье сложилась другая система автономного правления. Горы Ливана на протяжении многих веков служили убежищем для неортодоксальных религиозных общин, спасающихся от гонений. Двумя самыми крупными общинами были марониты и друзы, которые сформировали в этой местности, известной как Горный Ливан, особый феодальный порядок и политическую систему.

Марониты обосновались на севере Ливанских гор в конце VII века, спасаясь от преследований со стороны соперничающих христианских сект в тогдашней Византийской империи. В средние века они поддерживали крестоносцев и установили хорошие отношения с Ватиканом. Связи между маронитами и Римско-католической церковью были настолько тесными, что в

³⁶ Деями, как правило, называли представителей средних военных чинов. – *Прим. науч. ред.*

1584 году в Риме появился Маронитский колледж, где обучались богословию одаренные молодые марониты.

Религиозная секта друзов возникла в XI веке в Каире из последователей одного из ответвлений шиитского ислама. Впоследствии они были вынуждены бежать от гонений в Горный Ливан и за сотни лет жизни в изоляции развили довольно специфическое тайное вероучение. Вместе с христианами-маронитами друзы доминировали в политическом устройстве Горного Ливана. Друзский эмир правил жесткой иерархией друзских и христианских аристократов, которые владели наследственными феодами в этом регионе.

Когда в 1516 году Горный Ливан вместе с остальной частью Великой Сирии³⁷ был завоеван Селимом Грозным и присоединен к Османской империи, Порта предпочла оставить в этих неприступных горах сложившуюся систему самоуправления, ограничившись лишь тем, что потребовала от друзского эмира признать власть османского султана и платить ему ежегодную дань. Эта система оказалась вполне жизнеспособной, поскольку друзы были слишком разобщены, чтобы представлять собой угрозу для османского господства. Но все изменилось с приходом к власти эмира Фахр ад-Дина II.

Фахр ад-Дин II (1572–1635), эмир Горного Ливана, словно сошел со страниц трудов Макиавелли. Своими методами он куда больше напоминал Чезаре Борджиа, чем османских современников. Умело прибегая к насилию и хитрости, Фахр ад-Дин успешно расширял границы своих владений и оставался у власти на протяжении многих десятилетий. Он даже назначил придворного историка, чтобы оставить потомкам летопись своих великих деяний³⁸.

Фахр ад-Дин стал эмиром в 1591 году после смерти отца, который стал жертвой курдского клана Сайфа, правившего северным Ливаном из прибрежного города Триполи (не путать с одноименным ливийским городом). В течение следующих 30 лет друзский эмир был движим двумя мотивами – отомстить клану Сайфа и расширить границы земель, находившихся под управлением его семьи. При этом Фахр ад-Дин не забывал поддерживать хорошие отношения с османами. Он всегда в срок и полностью платил дань. Он ездил в Дамаск и осыпал деньгами и щедрыми подарками наместника Мурад-пашу, который впоследствии стал великим визирем Османской империи. Благодаря этим связям Фахр ад-Дин сумел присоединить к своим владениям южный портовый город Сайда, Бейрут вместе с прибрежной равниной, северные районы Горного Ливана и долину Бекаа на востоке Ливана. К 1607 году друзский эмир распространил свою власть на большую часть территории современного Ливана, а также на северную Палестину³⁹.

Но с ростом его небольшого государства росли и проблемы. В своих территориальных амбициях Фахр ад-Дин вышел за границы автономного Горного Ливана и посягнул на земли, находившиеся под прямым османским правлением. Такая беспрецедентная экспансия вызвала обеспокоенность в правительственных кругах в Стамбуле и зависть среди его местных соперников. Чтобы защитить себя от османских интриг, в 1608 году друзский Макиавелли заключил союз с Флоренцией, где правила династия Медичи. Медичи предложили Фахр ад-Дину оружие и помощь в обмен на торговые преференции на высококонкурентном левантийском рынке.

Новости о договоре Фахр ад-Дина с Тосканой были встречены с тревогой. В течение следующих нескольких лет османы с растущим беспокойством наблюдали за укреплением связей

³⁷ Великая Сирия (араб. *аш-Шам*, или *Сурийа аль-кубра*) – исторический регион, включавший в себя территории современных Сирии, Ливана, Палестины, Синая, Иордании, восточного Ирака и части юго-запада Турции. В русской историографии иногда называется также Левантом. – *Прим. науч. ред.*

³⁸ Ахмад Мухаммад аль-Халиди ас-Сафади. «Книга истории эмира Фахр ад-Дина аль-Маани» (*Kitab tarikh al-Amir Fakhr al-Din al-Ma'ni*); хроники были отредактированы и изданы Асадом Рустумом и Фуадом аль-Бустани под названием «Ливан в эпоху эмира Фахр ад-Дина II аль-Маани» (Asad Rustum and Fuad al-Bustan, *Lubnan fi 'ahd al-Amir Fakhr al-Din al-Ma'ni al-Thani*, Beirut: Editions St. Paul, 1936, reprinted 1985).

³⁹ Abdul-Rahim Abu-Husayn, *Provincial Leaderships in Syria, 1575–1650* (Beirut: American University in Beirut Press, 1985), 81–87.

между Ливаном и Тосканой. Вскоре Фахр ад-Дин лишился поддержки в Стамбуле, когда его друг Мурад-паша скончался и место главного визиря занял его враг Насух-паша. В 1613 году султан решил действовать и отправил в Горный Ливан армию с целью свергнуть Фахр ад-Дина и уничтожить друзское мини-государство. Османские военные корабли блокировали ливанские порты, чтобы помешать побегу друзского эмира и не позволить тосканскому флоту прийти ему на помощь. Однако, умело используя подкуп, Фахр ад-Дин в сопровождении одного советника и нескольких слуг сумел ускользнуть от османов. Наняв два французских галеона и фламандское торговое судно, он отплыл в Тоскану⁴⁰.

После 53-дневного путешествия из Сайды в Ливорно Фахр ад-Дин ступил на тосканскую землю. Его пятилетнее изгнание представляло собой редкий случай, когда арабский и европейский правители встретились как друзья и могли изучить обычаи и нравы друг друга. Фахр ад-Дин и его свита с интересом наблюдали за жизнью двора Медичи, работой государственного аппарата, культурой эпохи Ренессанса и нравами итальянцев. Друзский эмир был очарован всем, что увидел, – от предметов домашнего обихода в обычной флорентийской семье до замечательной коллекции произведений искусства, собранной Медичи, где имелись даже портреты выдающихся османских деятелей. Он посетил красивейший кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре, поднялся на колокольню Джотто и любовался знаменитым куполом Брунеллески – одним из величайших архитектурных творений того времени⁴¹. Но при всем восхищении Флоренцией Фахр ад-Дин никогда не сомневался в превосходстве своей культуры и в том, что Османская империя была самым могущественным государством всех времен и народов.

В 1618 году Фахр ад-Дин вернулся на родину. Момент был выбран грамотно: османы вели войну с персами и не обратили внимания на его возвращение. За пять лет его отсутствия многое изменилось. Османские власти сократили владения его семьи до небольшой долины Шуф в южной части Горного Ливана, а друзская община распалась на соперничающие группировки, решительно настроенные не допустить превосходства одного семейного клана над другими.

Однако Фахр ад-Дин в одночасье разрушил порядок, установленный Портой и местной соперничающей знатью. Сразу по возвращении он взялся за восстановление своей империи, которая уже вскоре простерлась от порта Латакия на севере через весь Горный Ливан до Палестины и реки Иордан на юге. Если прежде Фахр ад-Дин расширял империю с согласия османских властей, то теперь его действия бросали прямой вызов Порте. Однако эмир был уверен, что его воины победят любую армию, выдвинутую против него османами, и в течение следующих пяти лет становился все более дерзким в противостоянии властям.

В ноябре 1623 года Фахр ад-Дин достиг пика своего могущества, когда в сражении под Анджаром его армия разбила османские войска, направленные против него из Дамаска, и взяла в плен губернатора Мустафа-пашу⁴². Друзы преследовали османов до города Баальбек в долине Бекаа, и весь этот путь вели высокопоставленного пленника на веревке. Когда друзская армия осадила Баальбек, Фахр ад-Дин принял делегацию из Дамаска, прибывшую договориться об освобождении паши. Он затянул переговоры на 12 дней и, прежде чем согласился освободить пленного, добился удовлетворения всех своих территориальных притязаний.

Но в 1629 году Стамбул завершил войну в Персии и наконец-то обратил свой взор на зарвавшегося друзского эмира, который к тому времени расширил границы своих владений до Сирийской пустыни на востоке и до самой Анатолии на севере. К 1631 году Фахр ад-Дин настолько уверился в своем могуществе, что не позволил османской армии перезимовать на

⁴⁰ Al-Khalidi al-Safadi, Amir Fakhr al-Din, 17–19.

⁴¹ Там же, 214–215.

⁴² Там же, 150–154.

«его» землях. Это переполнило чашу терпения турок, и они твердо решили избавиться от непокорного вассала.

У стареющего Фахр ад-Дина были и другие серьезные враги среди бедуинских племен, соперничающих друзских кланов, а также в лице клана Сайфа из Триполи. В 1633 году османский султан Мурад IV воспользовался усиливающейся изоляцией Фахр ад-Дина и отправил против него армию из Дамаска. Возможно, сторонники друзского эмира устали от многолетних военных действий или же разуверились в здравомыслии Фахр ад-Дина, который все более безрассудно бравировал перед Стамбулом своим могуществом. Как бы то ни было, когда османская армия подошла к границам «империи» Фахр ад-Дина, они отказались сражаться и оставили своего правителя и его сыновей противостоять османам без поддержки.

Беглый эмир укрылся в пещерах Шуфа в сердце Горного Ливана. Но османы последовали за ним и с помощью огня выкурили его из убежища. Фахр ад-Дина и его сыновей схватили и доставили в Стамбул, где в 1635 году казнили. Так закончилась жизнь мятежного эмира, а вместе с ней и угроза османскому господству на землях Горного Ливана.

После смерти Фахр ад-Дина османы были рады восстановить в Горном Ливане прежний политический порядок. Османская система правления, ориентированная на суннитское большинство, плохо подходила для разнородного населения этой местности, состоявшего в основном из христиан и друзов. До тех пор пока местные правители выражали готовность сотрудничать с османскими властями, Порта была готова мириться с любыми формами местного самоуправления. Таким образом, друзская и христианская феодальная знать продолжила править Ливаном вплоть до XIX века, больше не доставляя Стамбулу никаких неприятностей.

В Египте в течение столетия после завоевания Селимом Грозным также сложилась своя особая модель политического устройства. Хотя мамлюкская правящая династия была уничтожена, мамлюки выжили как военная каста и остались костяком правящей элиты османского Египта. Они сохранили семейные кланы – так называемые «дома», продолжали отбирать молодых рабов для пополнения своих рядов и ревностно поддерживали мамлюкские военные традиции. Будучи не в состоянии истребить мамлюков, османы были вынуждены привлечь их к управлению территорией.

С 1600-х годов мамлюки занимали многие ключевые административные посты в османском Египте. Они управляли местным казначейством, отвечали за организацию ежегодного каравана паломников в Мекку, служили наместниками в арабской провинции Хиджаз и фактически монополизировали провинциальный административный аппарат. Это обеспечивало им авторитет и влияние и, что еще важнее, контроль над значительными источниками доходов.

В XVII веке мамлюкские беи также заняли ряд высоких военных должностей, сосредоточив таким образом в своих руках больше власти, чем османские губернаторы и военачальники, присланные из Стамбула. Однако Порта, вынужденная противостоять растущим угрозам на своих европейских границах, была больше озабочена сохранением порядка и обеспечением регулярного потока налоговых поступлений с богатых территорий, чем восстановлением баланса сил между османскими ставленниками и мамлюками в Египте. Османским губернаторам приходилось самостоятельно держаться на плаву в коварных водах каирской политики.

Соперничество между могущественными мамлюкскими «домами» выливалось в межклановую борьбу, которая делала политическую жизнь в Египте опасной как для османов, так и для самих мамлюков. В XVII веке на лидирующие позиции выдвинулись два мамлюкских дома – Факарийя и Касимийя. Дом Факарийя имел связи с османской кавалерией, его цветом был белый, символом – гранат. Дом Касимийя имел поддержку среди местных египетских войск, и его символами были красный цвет и диск. У каждого клана имелись свои союзники среди бедуинских племен. Следы происхождения обоих домов теряются в веках и мифах, но к концу XVII века соперничество между ними приобрело ожесточенный характер.

Османские наместники пытались нейтрализовать мамлюков, играя на противостоянии домов. В результате тот дом, который считал себя ущемленным, старался избавиться от неудобного ему правителя. За период с 1688 года по 1755 год, о котором нам подробно известно благодаря историку Ахмаду Катхуда ад-Дамурдаши (он сам был мамлюкским офицером), мамлюкские кланы сместили восемь из тридцати четырех османских наместников Египта.

Межклановая борьба ярко демонстрирует, какой властью обладали мамлюки над османскими наместниками. В 1729 году глава дома Факарийя по имени Зейн аль-Факар созвал своих командиров, чтобы разработать план военной кампании против вражеского дома Касимийя. «Мы потребуем у губернатора пятьсот кошелей золота на снаряжение экспедиции, – заявил Зейн аль-Факар своим людям. – Если он даст их, то останется нашим правителем. Если откажется, мы сместим его». Дом Факарийя отправил к наместнику делегацию, однако тот отказался оплачивать военную кампанию против дома Касимийя. «Мы не потерпим этого труса нашим правителем! – воскликнул разгневанный Зейн аль-Факар. – Мы должны избавиться от него». Недолго думая, Факарийя написали в Стамбул письмо, в котором сообщили Порте, что османский губернатор смещен с поста и на его место назначен его заместитель. Затем они заставили новоиспеченного наместника профинансировать их военную кампанию против Касимийя за счет таможенных доходов от Суэцкого порта. Эти деньги были списаны как расходы на обеспечение военной безопасности Каира⁴³.

К своим соперникам мамлюки были беспощадны. В 1730 году Касимийя узнали, что дом Факарийя готовится к нападению, и решили перехватить инициативу. Они подослали убийцу к главе соперничающего дома Зейн аль-Факару. Этот убийца был предателем, принадлежавшим к клану Факарийя, но втайне работавшим на Касимийя. Под видом стражника он явился к Зейн аль-Факару и заявил, что арестовал одного из его врагов. «Веди его сюда», – сказал Зейн аль-Факар, в ответ на что убийца выкрикнул: «А он уже здесь!» После чего выхватил пистолет и выстрелил своей жертве в сердце⁴⁴. Затем убийца и его сообщник выскочили из дома и скрылись, убив по пути нескольких человек. Это положило начало непримиримой кровной вражде.

Своим новым предводителем Факарийя выбрали Мухаммад-бея Катамиша. Тот стоял во главе мамлюкской иерархии и назывался *шейх аль-балад*, или «городской старшина». Чтобы отомстить за убийство Зейн аль-Факара, Мухаммад-бей приказал уничтожить всех мамлюков, связанных с домом Касимийя. «Среди нас есть шпионы Касимийя», – заявил он собравшимся командирам и указал пальцем на одного из своих слуг. Прежде чем несчастный успел сказать хоть слово в свою защиту, его затащили под стол и отрезали ему голову. Этот человек стал первой, но далеко не последней жертвой кровопролития 1730 года.

Мухаммад-бей обратился к османскому наместнику, обязанному своим назначением Зейн аль-Факару, и добился от него разрешения на казнь 373 человек, которые, по его утверждению, были причастны к убийству несчастного. Фактически это было мандатом на уничтожение клана Касимийя. «Мухаммад-бей Катамиш вырезал весь дом Касимийя, кроме тех, кому удалось бежать из города, – сообщает ад-Дамурдаши. – Он забрал из семей даже мальчиков. Их отвезли на остров посреди Нила и там убили, а тела бросили в реку». Мухаммад-бей покончил со всеми семьями Касимийя, поклявшись, что этот клан никогда больше не возродится на земле Каира⁴⁵.

Однако сдержать эту клятву оказалось труднее, чем полагал Мухаммад-бей. В 1736 году люди Касимийя вернулись, чтобы свести счеты со своими врагами. Им помогал османский

⁴³ Daniel Crecelius and 'Abd al-Wahhab Bakr, trans., *Al-Damurdashi's Chronicle of Egypt, 1688–1755* (Leiden: E. J. Brill, 1991), 286.

⁴⁴ Там же, 291.

⁴⁵ Там же, 296.

наместник Бакир-паша. В свое время Факарийя сместили Бакир-пашу с должности египетского губернатора, и он затаил злобу на них. Бакир-паша пригласил Мухаммад-бея вместе со всей верхушкой дома Факарийя на встречу, где их поджидала группа боевиков Касимийя, вооруженных саблями и пистолетами. Как только Мухаммад-бей появился, они выстрелили ему в живот и перерезали всех его командиров. В тот день были убиты десять самых могущественных людей Каира, а их отрубленные головы выставили на всеобщее обозрение в одной из центральных городских мечетей⁴⁶. По всем свидетельствам, это было одно из самых жестоких убийств в истории османского Египта⁴⁷.

Обескровленные столетним противостоянием, кланы Факарийя и Касимийя ослабили друг друга настолько, что открыли путь к власти более мелким мамлюкским домам, в частности дому Каздугли. Мамлюки Каздугли уничтожили всех конкурентов и добились доминирования на политической арене османского Египта, которое сохраняли до конца XVIII века. С подъемом Каздугли кровавые межклановые конфликты поутихли, и в уставшем от распрей Каире воцарился шаткий мир. За прошедшие после завоевания Египта Селимом Грозным несколько столетий османы так и не сумели в полной мере установить свою власть над этой богатой, но непокорной территорией. Вместо этого в османском Египте сложилась особая политическая культура, где параллельная структура власти, созданная влиятельными мамлюкскими кланами, доминировала над властью назначаемых Стамбулом османских наместников. Таким образом, в Египте, как и в Ливане, и в Алжире, османам пришлось адаптироваться к местным политическим условиям.

За два века, прошедшие после завоевания Мамлюкского султаната, османы расширили границы своей империи от Северной Африки до Южной Аравии. Это был непростой процесс. Поскольку во многих случаях у них не было возможностей и ресурсов для внедрения стандартной османской системы административного управления в арабских провинциях, они предпочитали делить власть с местными элитами. В результате арабские провинции, хотя и были частью одной империи, имели очень разные отношения со Стамбулом, а модели политико-административного устройства в них варьировали. Следует заметить, что такая гетерогенность была типична для мультиэтнических и мультиконфессиональных империй того времени, включая Австро-Венгерскую и Российскую.

До середины XVIII века османы управляли этими разнородными территориями с относительным успехом. Разумеется, они сталкивались с вызовами своему господству, в частности в Египте и Горном Ливане, однако умело удерживали власть, используя различные стратегии и не допуская, чтобы местные лидеры длительное время представляли серьезную угрозу для османского центра. Однако во второй половине XVIII века динамика отношений между османским центром и арабской периферией изменилась. В арабских провинциях появились новые местные лидеры, которые начали объединять силы и выступать за независимость от Османской империи, зачастую в сговоре с ее европейскими врагами. В XIX столетии эти местные лидеры стали представлять реальную опасность для османского государства, угрожая самому его существованию.

---

⁴⁶ Там же, 310–312.

⁴⁷ Winter, *Egyptian Society Under Ottoman Rule*, 24.

Глава 2

Арабы бросают вызов османскому господству

Кто знает обо всем, что происходит в городе? Конечно же, цирюльник. Днями напролет он обсуждает с теми, кто к нему приходит, самые животрепещущие темы: местную политику, растущие цены, погоду и то, что сейчас все совсем не так, как «в старые добрые времена». Судя по записям в его дневнике, Ахмад аль-Будайри аль-Халлак («Цирюльник») был великолепным собеседником, прекрасно информированным о политической и общественной жизни Дамаска середины XVIII века.

Об этом рядовом горожанине мы знаем только благодаря его дневнику. Он был слишком маленьким человеком, чтобы попасть в «биографические словари» того времени. Но именно это и делает его дневник столь примечательным. В XVIII веке грамотность среди ремесленников была редкостью, не говоря уже о том, чтобы вести письменную хронику своей жизни. Аль-Будайри мало рассказывал о себе, предпочитая писать о других. Мы не знаем, когда он родился и умер, хотя очевидно, что дневник, охватывающий период с 1741 по 1762 год, написан зрелым человеком. Благочестивый мусульманин, аль-Будайри принадлежал к суфийскому ордену. Он был женат, имел детей, но о семейной жизни писал крайне мало. Он гордился своей профессией, почтительно вспоминал о своем учителе, обучившем его парикмахерскому искусству, и перечислял знаменитых горожан, которых он стриг и брил.

Этот дамаский цирюльник был лояльным османским подданным. Согласно его дневнику, в 1754 году он и другие жители Дамаска были потрясены новостью о смерти султана Махмуда I (правил в 1730–1754 гг.). Затем он с восторгом описывал публичные торжества, посвященные вступлению на престол его преемника султана Османа III (правил в 1754–1757 гг.). «Никогда еще не был Дамаск так украшен, как в эти дни. Да поможет Всевышний Османскому государству и хранит его до конца времен! – восклицал аль-Будайри. – Аминь»⁴⁸.

У цирюльника были все основания молить Всевышнего о помощи Османской империи. Согласно тогдашним представлениям о государственном устройстве, искусство управления было основано на сбалансированном сочетании четырех взаимосвязанных элементов, известных как «круг справедливости». Чтобы осуществлять свою власть, государству требовалась сильная армия. Чтобы содержать сильную армию, ему требовалось большое богатство, единственным постоянным источником которого могли быть налоги. Чтобы собирать много налогов, государство должно было заботиться о процветании своих подданных. А чтобы его подданные процветали, государству необходимо было обеспечивать соблюдение справедливых законов. Так замыкался круг справедливости. Большинство османских политических аналитиков того времени склонны были объяснять проблемы в государстве пренебрежением одним из этих четырех элементов. А исходя из того, что аль-Будайри видел в Дамаске в середине XVIII века, у него были все основания полагать, что Османская империя находится в плачевном состоянии. Губернаторы погрязли в коррупции, цены постоянно росли, армия была неуправляема, а общественная мораль подорвана снижением авторитета власти.

Возможно, корень проблемы крылся во властителях Дамаска. Во времена аль-Будайри этим городом правила династия местной знати, а не назначаемый Стамбулом наместник, как это было в других османских провинциях. Феодалный клан аль-Азм разбогател в XVII веке, когда собрал в своих руках обширные сельскохозяйственные угодья вокруг города Хама в центральной Сирии. В начале XVIII века клан обосновался в Дамаске, где стал одной из самых

⁴⁸ Ахмад аль-Будайри аль-Халлак. «Ежедневные события Дамаска, 1741–1752 гг.» (Ahmad al-Budayri al-Hallaq, *Hawadith Dimashq al-Yawmiyya 1741–1762*, Cairo: Egyptian Association for Historical Studies, 1959, 184); George M. Haddad, "The Interests of an Eighteenth Century Chronicler of Damascus," *Der Islam* 38 (June 1963): 258–271.

богатых и влиятельных городских семей. В период с 1724 по 1783 год Дамаском правили пять членов семьи аль-Азм – в общей сложности 45 лет, а несколько других представителей клана управляли провинциями Сайда, Триполи и Алеппо. Таким образом, аль-Азмы представляли собой один из самых могущественных местных правящих кланов, существовавших в арабских провинциях в XVIII веке.

Мы, современные люди, можем полагать, что нахождение арабских провинций под управлением местных династий, а не османской администрации было благом для арабского населения. Но в те времена это было не так. Османские чиновники были слугами султана и, по крайней мере формально, правили в интересах государства, а члены клана аль-Азм ставили во главу угла личные и семейные интересы и использовали свои высокие должности для самообогащения и возвышения своей династии за счет османского государства. Круг справедливости был разомкнут, что вело к разрушению устоев, на которых строилось государство и общество.

Аль-Будайри подробно обсуждает сильные и слабые стороны правления клана аль-Азм в Дамаске. Асад-паша аль-Азм находился у власти целых 14 лет (с 1743 по 1757 год), дольше любого другого наместника Дамаска в османскую эпоху. Хотя цирюльник выражал полную лояльность своему правителю, он находил много поводов для резкой критики. Он обвинял губернаторов из клана аль-Азм в разграблении городской казны и бедственном положении местного населения и возлагал на них ответственность за царящий в армии хаос и падение общественной морали.

При правлении аль-Азмов армия превратилась из дисциплинированной силы, поддерживающей законность и правопорядок от имени государства, в сборище бандитов. В Дамаске базировалось два корпуса янычар – имперский корпус, присланный из Стамбула (*капыкуллары*, или «рабы Высокой Порты»), и местный корпус (*йерлийе*). Кроме них существовали нерегулярные войска из курдов, туркоманов и североафриканцев. Все эти воинские подразделения враждовали между собой, являясь главными нарушителями мира и спокойствия в городе. В 1756 году жители района Амара дорого заплатили за то, что поддержали имперских янычар в столкновении с местными дамасскими янычарами. В отместку последние спалили целый квартал вместе с домами и лавками⁴⁹. Аль-Будайри рассказывает о многочисленных случаях нападения солдат на жителей Дамаска и даже убийств, остававшихся безнаказанными. Когда начались беспорядки, торговцы закрывали лавки, горожане запирались в своих домах, и жизнь в городе замирала. Из дневника аль-Будайри хорошо видно, какую опасность представляли «войска охраны» для жизни и имущества простых жителей Дамаска.

Аль-Будайри также считал аль-Азмов ответственными за непомерно высокие цены на продовольствие в Дамаске. Они не только не регулировали торговлю, чтобы обеспечить справедливые цены, но и, как предполагал аль-Будайри, будучи крупными землевладельцами, использовали свое нахождение у власти для создания искусственного дефицита зерна, чтобы максимально увеличить свои прибыли. Однажды, когда хлеб подешевел, Асад-паша отправил своих людей к пекарям, чтобы заставить их поднять цены – ведь высокие цены на пшеницу были источником богатства для его семьи⁵⁰.

В своем дневнике аль-Будайри возмущался тем, что семья паши обогащается, в то время как простые жители Дамаска голодают. Символом злоупотребления властью стал роскошный дворец, возведенный Асад-пашой в центре Дамаска. Он сохранился до наших дней. Все городские каменщики и ремесленники были заняты на строительстве дворца, из-за чего стоимость их работ для рядовых дамассцев взлетела до небес. Кроме того, для него требовалось огромное

---

⁴⁹ Budayri, Hawadith Dimashq, 202.

⁵⁰ Там же, 129.

количество строительных и отделочных материалов, и Асад-паша приказал ради этого разбирать старые дома, невзирая на их историческую ценность и не считаясь с владельцами. Дворец был воплощением ненасытной жадности Асад-паши. По словам аль-Будайри, во дворце имелись бесчисленные тайные хранилища – «в стенах, в потолках, под полами, под фонтанами и даже под туалетами», где паша хранил свои несметные богатства⁵¹.

Разброд в армии вкупе с алчностью наместников аль-Азмов, по мнению аль-Будайри, привели к падению общественной морали. Легитимность османского государства в значительной степени опиралась на его способность продвигать мусульманские ценности и поддерживать институты, позволявшие его подданным жить в соответствии с предписаниями суннитского ислама. Таким образом, падение общественной морали было прямым признаком ослабления государственной власти.

Самым наглядным доказательством упадка, с точки зрения аль-Будайри, стал разгул проституции в городе. Дамаск был консервативным городом, где женщины традиционно одевались очень целомудренно, закрывали волосы и лица и почти не общались с мужчинами за пределами своих семей. Теперь же, жаловался цирюльник, по улицам и рынкам Дамаска разгуливали пьяные проститутки с открытыми лицами и распущенными волосами, в сопровождении таких же пьяных солдат. Наместники Дамаска несколько раз пытались запретить проституцию, но безуспешно. Поддерживаемые солдатами, проститутки отказывались подчиняться указам.

Что еще хуже, простой народ восхищался дерзким поведением проституток. В 1740-х годах одна красивая молодая женщина легкого поведения по имени Салмун настолько очаровала горожан, что ее имя стало синонимом всего модного и красивого. Особенно нарядное платье называли «платьем Салмун», а необычное ювелирное украшение «безделушкой Салмун».

Салмун была бесстрашной женщиной, чем-то напоминавшей знаменитую Кармен из оперы Бизе. Однажды вечером в 1744 году она столкнулась на узкой улочке Дамаска с *кади* (судьей). Она была пьяна и держала в руках нож. Сопровождавшие судью слуги крикнули ей, чтобы она уступила дорогу. Но Салмун засмеялась в ответ и кинулась на кади с ножом. Слугам с трудом удалось удержать ее. За это нападение власти арестовали Салмун и казнили. На улицы Дамаска были отправлены глашатаи, зачитавшие указ о том, что все проститутки в городе должны быть убиты. Многие женщины бежали из города, остальные спрятались⁵².

Но запрет оказался недолгим, и вскоре проститутки вернулись на улицы Дамаска. «В нынешние времена, – написал цирюльник в дневнике в 1748 году, – коррупция не знает предела, добропорядочных мусульман угнетают, а проститутки разгуливают по рынкам днем и ночью». Он с возмущением описал шествие проституток, которое те организовали в честь одного из местных святых. Аль-Будайри негодовал не только по поводу такой профанации религиозных ценностей, но и из-за того, что население Дамаска приветствовало это мероприятие. Предыстория была такова: одна проститутка влюбилась в турецкого солдата, который вдруг тяжело заболел. Она поклялась провести молитвенную церемонию, если ее возлюбленный останется жив. Когда солдат выздоровел, она исполнила обещанное:

Целая толпа грешных женщин шла по улицам города. Они несли в руках зажженные свечи и курильницы с ладаном. Они пели и били в бубны. Их лица были открыты, а волосы ниспадали на плечи. Люди спокойно взирали на эту процессию, не протестуя. Лишь несколько праведников выкрикнули в толпе «Аллах акбар!» [«Аллах – велик!»]⁵³.

Вскоре после парада власти вновь попытались запретить проституцию. Глав городских кварталов обязали сообщить обо всех женщинах, подозревавшихся в занятиях проституцией,

⁵¹ Там же, 219.

⁵² Там же, 57.

⁵³ Там же, 112.

а глашатаи на улицах зачитали указ, обязывающий женщин закрывать волосы и лица. Но уже через несколько дней, писал аль-Будайри, «мы увидели тех же самых женщин, разгуливающих по аллеям и базарам как ни в чем не бывало». Осознав тщетность своих усилий, наместник Асад-паша аль-Азм отказался от борьбы с проститутками и вместо этого решил обложить их налогом.

То, что городом правили люди, которые злоупотребляли своей властью, обогащались за счет народа, не могли искоренить порок и вернуть порядок в армии, серьезно тревожило дамаского цирюльника. Как долго просуществует государство, возглавляемое такими людьми?

К середине XVIII века пути османского центра и арабских провинций начали расходиться.

На первый взгляд, Османская империя поглотила арабский мир. В течение двух столетий османы распространили свое господство почти на все арабские земли от южной оконечности Аравийского полуострова до границ Марокко в северо-западной Африке. Арабы признали османского султана законным правителем. Они молились за него каждую пятницу, служили в его армии и платили ему налоги. Таким образом, подавляющее большинство арабских подданных из числа простого народа – крестьяне, ремесленники и торговцы – приняли общественный договор, предлагаемый османами. В ответ они ожидали гарантированной безопасности для себя и своей собственности и поддержания исламских ценностей.

Между тем в арабских землях происходили важные перемены. Если в начале османского правления арабы как свободнорожденные мусульмане были исключены из системы девширме и, как следствие, отстранены от государственной пирамиды власти, то к XVIII веку представители местной знати стали занимать самые высокие посты в провинциальных администрациях и даже получать титул паши. Примером тому был клан аль-Азмов, и эта тенденция наблюдалась повсюду: в Египте, Палестине, Горном Ливане, Месопотамии и на Аравийском полуострове. Она сопровождалась ослаблением влияния Стамбула в арабских провинциях, особенно по мере того как все большая часть налоговых поступлений расходовалась на местном уровне на содержание армии и строительные проекты губернаторов. В конце концов усиление местных элит стало представлять растущую угрозу целостности Османской империи и во второй половине XVIII века привело к тому, что многие арабские провинции восстали против власти Стамбула.

Местными правителями в арабских провинциях становились и главы мамлюкских «домов», и вожди бедуинских племен, и представители городской знати. Но, несмотря на разное происхождение, между ними было много общего. Ими двигало отнюдь не недовольство конкретными методами османского правления, а личные амбиции и интересы. Все они были крупными феодалами, сумевшими воспользоваться изменениями в османской системе землевладения и сосредоточить в своих руках огромные земельные угодья, которыми они владели на протяжении всей жизни и передавали по наследству своим детям. Вместо того чтобы направлять доходы от этих феодалов в государственную казну, они распорядились ими по своему усмотрению: строили роскошные дворцы и содержали собственные армии. Деньги, которые терял Стамбул, способствовали развитию местной экономики в арабских провинциях, а также сосредоточению реальной власти в руках местных правителей.

Такая ситуация наблюдалась не только в арабских провинциях, но и на Балканах, и в Анатолии. Для центрального правительства арабские земли находились на периферии во всех смыслах этого слова. Порта не рассчитывала на арабов, больше полагаясь на анатолийские и балканские войска и доходы в казну. Кроме того, арабские провинции находились слишком далеко от имперского центра, чтобы Порта считала оправданным выделять войска и ресурсы на подавление незначительных мятежей в этих районах. Ее куда больше волновали угрозы

со стороны Вены и Москвы: они были куда серьезнее, чем те неприятности, которые могли доставить османам все арабские провинции вместе взятые.

К XVIII веку европейские соседи начали отодвигать назад границы османских завоеваний. До 1683 года османы стояли почти у ворот Вены. Но в ходе войны 1683–1699 годов австрийцы нанесли османской армии несколько сокрушительных поражений и по Карловицкому мирному договору получили Венгрию, Трансильванию и часть Польши. Это были первые территориальные потери в истории Османской империи. Российский император Петр Великий теснил османов в Черноморском регионе и на Кавказе. На фоне угроз такого масштаба происходящее в Багдаде и Дамаске не стоило внимания Стамбула.

Между тем поражения османов от европейских армий придавали смелости местным элитам. По мере усиления могущества провинциальной знати османские наместники в арабских землях утрачивали уважение со стороны арабских подданных. Они фактически потеряли власть над султанской армией, солдаты которой превратились в неуправляемую силу, постоянно конфликтовали с местными ополченцами и творили беззаконие. Беспорядок в армии, в свою очередь, подорвал авторитет присланных из Стамбула исламских судей и богословов, которые традиционно выступали хранителями общественного порядка. Разуверившись в центральной власти, люди все чаще обращались за защитой и покровительством к местным правителям. Как писал один христианский купец из Басры: «Арабские властители внушают людям уважение и страх, а османских чиновников никто ни во что не ставит»⁵⁴.

Государство, которое теряет уважение своих подданных, ждет катастрофа. Египетский историк Абд ар-Рахман аль-Джабарти, размышляя над неспособностью османов утвердить свою власть над мамлюкским Египтом в XVIII столетии, выразился так: «Если бы этот век мог помочиться в бутылку, лекарь-время определил бы причины его недуга»⁵⁵. Мы же можем сказать, что главной причиной ослабления османов стало появление могущественной местной элиты, и единственным «лечением» могло быть полномасштабное утверждение власти государства. Однако Порты предпочла сосредоточиться на обеспечении стабильности на европейских границах, закрыв глаза на «недуги», назревавшие в ее арабских провинциях.

Поскольку в каждом регионе сформировались свои специфические местные элиты, отношения между ними и Стамбулом также были очень разными. В общих чертах провинции, расположенные ближе к центру империи, представляли собой наименьшую угрозу для власти Порты. Такие правящие кланы, как Шехабы в Горном Ливане, аль-Азмы в Дамаске и аль-Джалили в Мосуле, были лояльны центральному правительству, хотя и требовали максимально возможной автономии⁵⁶. Южнее – в Багдаде, Палестине и Египте – могущественные мамлюкские кланы стремились расширить свою власть, бросая прямой вызов имперскому центру. Пожалуй, самую серьезную угрозу для османов представляла собой саудито-ваххабитская конфедерация племен в Центральной Аравии, особенно после того как входящие в нее племена захватили контроль над священными городами Мекка и Медина и перестали пускать туда ежегодные османские караваны паломников. И наоборот, самые отдаленные провинции, такие как Алжир, Тунис и Йемен, были рады оставаться вассалами османского султана, выплачивая скромную ежегодную дань в обмен на широкую автономию.

Местные лидеры, бросавшие вызов османскому правлению во второй половине XVIII века, не были частью национального движения. Многие из них не являлись этническими ара-

⁵⁴ Приводится в книге: Albert Hourani, "The Fertile Crescent in the Eighteenth Century," A Vision of History (Beirut: Khayats, 1961), 42.

⁵⁵ Thomas Philipp and Moshe Perlmann, eds., 'Abd al-Rahman al-Jabarti's History of Egypt, vol. 1 (Stuttgart: Franz Steiner, 1994), 6.

⁵⁶ О клане Шехабов в Горном Ливане: Kamal Salibi, The Modern History of Lebanon (London: Weidenfeld and Nicholson, 1965). О клане Джалилей в Мосуле: Dina Rizk Khoury, State and Provincial Society in the Ottoman Empire: Mosul, 1540–1830 (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).

бами, а некоторые даже не говорили по-арабски. В основном это были амбициозные личности, действовавшие в своих интересах, нисколько не заботясь об арабском народе, которым они правили. Сами по себе они не представляли большой угрозы для османского центра. Но, объединив силы, – как это произошло, когда египетские мамлюки заключили союз с правителем северной Палестины, – были способны установить контроль над целыми османскими провинциями.

В начале XX века главным богатством Ближнего Востока стала нефть, а в XVIII веке им был хлопок. Европейский спрос на хлопок начался в XVII столетии. Если британские фабрики в Ланкашире работали на хлопковом сырье из Вест-Индии и американских колоний, то французы импортировали хлопок-сырец в основном из Османской империи. Когда развитие прядильных и ткацких технологий в XVIII веке привело к промышленной революции, спрос на хлопок резко вырос. Французский импорт хлопка из Восточного Средиземноморья увеличился более чем в пять раз – с 2,1 млн кг в 1700 году до почти 11 млн кг к 1789 году⁵⁷. Больше всего в Европе ценился хлопок из области Галилея в северной Палестине. Доходы от продажи галилейского хлопка позволили местному правителю сосредоточить в своих руках достаточно богатства и власти, чтобы бросить вызов османскому правлению в самой Сирии.

Этим правителем северной Палестины был Захир Ал Умар (ок. 1690–1775), шейх бедуинского племени зейдан, которое обосновалось в Галилее в XVII веке и завладело обширными сельскохозяйственными угодьями между городами Сафад и Тиберия. Предки Захира установили тесные торговые связи с Дамаском и начали сколачивать солидное семейное состояние на хлопке с галилейских плантаций. Захир был представителем третьего поколения шейхов зейдан в Галилее. Хотя он мало известен на Западе, в арабском мире Захира почитают как героя, нередко – и притом ошибочно – воспринимая как арабского или палестинского националиста, сражавшегося за интересы своего народа. Из-за столкновений с османскими властями к моменту своей смерти он уже стал легендой, и ему было посвящено два биографических труда, написанных его современниками.

Свою долгую и славную карьеру Захир начал в 1730-х годах, когда вступил в союз с еще одним бедуинским племенем, чтобы захватить Тиберию, которая в те времена была чуть больше деревни. Чтобы закрепиться на захваченных землях, он добился того, что наместник Сайды назначил его сборщиком налогов в Галилее. После этого Захир сформировал небольшой конный отряд из 200 ополченцев и превратил Тиберию в настоящую крепость.

Обосновавшись там, Захир и его семья начали распространять свою власть на плодородные равнины и нагорья северной Палестины, заставляя крестьян-арендаторов выращивать на своих землях хлопок. Новые территории зейданский шейх раздавал родным и двоюродным братьям, чтобы те управляли от его имени. Его владения разрастались, а вместе с ними росло и могущество. С расширением территорий увеличивались и доходы от хлопка, что давало Захиру возможность наращивать свою армию и продолжать захват земель.

К 1740 году он стал самым могущественным властителем на севере Палестины. Захир разгромил правителей Наблуса, захватил Назарет и отныне доминировал в торговле между Палестиной и Дамаском, что способствовало дальнейшему росту его богатства и территориальных владений.

В конце концов интересы Захира Ал Умара пришли в столкновение с интересами наместника Дамаска. Одной из главных обязанностей последнего была организация и финансовое обеспечение ежегодного каравана паломников в Мекку. Традиционно караван финансировался за счет налогов, собираемых с земель северной Палестины и Трансиордании, которые теперь находились под контролем Захира. Лишив губернатора Дамаска этого важного источника нало-

---

⁵⁷ Roger Owen, *The Middle East in the World Economy, 1800–1914* (London: Methuen, 1981), 7.

говых поступлений, Захир поставил под угрозу финансирование каравана. Когда об этом стало известно в Стамбуле, султан приказал дамасскому губернатору Сулейман-паше аль-Азму схватить Захира и казнить, а его крепость в Тиберии разрушить.

В 1742 году аль-Будайри написал в своем дневнике, что Сулейман-паша выдвинулся из Дамаска с большой армией, чтобы разгромить Захира. Стамбул прислал ему на помощь людей, пушки и снаряды. Кроме того, Сулейман-паша набрал добровольцев из Горного Ливана, Наблуса, Иерусалима и из соседних бедуинских племен, которые считали Захира Ал Умара своим врагом и хотели воспользоваться возможностью разделаться с ним раз и навсегда.

Сулейман-паша осаждал Тиберию целых три месяца, но так и не смог взять город. Благодаря помощи брата, который тайно переправлял продовольствие и боеприпасы через османское окружение, Захир успешно держал оборону против превосходящих вражеских сил. Сулейман-паша был в ярости, и, когда ему удалось поймать нескольких людей Захира с мешками продовольствия, он приказал отрезать им головы и отправить в Стамбул в качестве трофеев. Но главный трофей остался недостижим для Сулейман-паши, и три месяца спустя он был вынужден вернуться в Дамаск, чтобы подготовиться к паломничеству в Мекку. Не желая признавать свое поражение, наместник распространил слух, что он снял осаду Тиберии из сострадания к незащищенному гражданскому населению города. Он также утверждал, что взял в заложники одного из сыновей Захира, чтобы заставить шейха заплатить налоги в казну Дамаска. Аль-Будайри считал своим долгом изложить в дневнике эти слухи, но в конце добавил: «Мы слышали и другую версию этой истории, и один Всевышний знает, как оно было на самом деле»⁵⁸.

Вернувшись из паломничества, в 1743 году Сулейман-паша решил возобновить военные действия против мятежного шейха. При поддержке Стамбула и пострадавших от Захира палестинских соседей он собрал мощную армию и двинулся на Тиберию. Жители города приготовились к длительной осаде, но, как оказалось, напрасно. По пути в Тиберию Сулейман-паша остановился в прибрежном городе Акра (Акка), где заболел лихорадкой и умер. Его тело перевезли в Дамаск для захоронения, а войско распустили. Захира Ал Умара оставили в покое⁵⁹.

В период с 1740-х по 1760-е годы никто не мешал Захиру реализовывать его честолюбивые замыслы, и его могущество стремительно росло. Армия зейданского шейха была намного сильнее, чем армия губернатора Сайды, а новый наместник Дамаска Асад-паша аль-Азм предпочитал не замечать непокорного правителя Тиберии. В Стамбуле у Захира имелись влиятельные сторонники, которые оберегали его от пристального внимания Блистательной Порты.

Пользуясь своей относительной независимостью, Захир расширил границы княжества до прибрежного города Акра, сделав его главным портом левантийской торговли хлопком. Он много раз обращался к губернатору Сайды с просьбой передать ему права на сбор налогов в Акре, но всегда получал отказ. Наконец, в 1746 году Захир захватил город и объявил себя его налоговым откупщиком. Он укрепил оборону города и перенес туда свою резиденцию. Теперь он получил полный контроль над торговлей хлопком от полей до рынка. В письмах французские купцы из Дамаска выражали свое недовольство Захиром Ал Умаром, который стал «непомерно могущественен и богат... за наш счет»⁶⁰. К 1750-м годам Захир единолично диктовал цены на галилейский хлопок. Когда французы попытались навязать ему свои условия, он запретил крестьянам из Галилеи продавать им хлопок, и французы были вынуждены вернуться к Захиру и согласиться на его условия.

Несмотря на многочисленные столкновения с османскими властями, Захир Ал Умар не оставлял попыток добиться официального признания: он был мятежником, который мечтал стать государственным мужем. Ему хотелось сравняться по статусу с аль-Азмами в Дамаске:

⁵⁸ Budayri, Hawadith Dimashq, 27–29.

⁵⁹ Там же, 42–45.

⁶⁰ Amnon Cohen, *Palestine in the Eighteenth Century* (Jerusalem: Magnes Press, 1973), 15.

получить титул паши и стать губернатором Сайды. Поэтому, несмотря на акты неповиновения, он исправно платил налоги в казну. Однако, как Захир ни старался, ему никак не удавалось подняться выше уровня налогового откупщика, находящегося в подчинении у губернатора Сайды. Это было для него источником постоянного разочарования. Чтобы сохранить лояльность Захира в период изнурительной войны с Россией 1768–1774 годов, османы пошли ему навстречу. В 1768 году Порты признала его «шейхом Акры, эмиром Назарета, Тиберии, Сафада и шейхом всей Галилеи»⁶¹. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить амбиции Захира Ал Умара.

После почти двух десятилетий относительного мира Захир вновь столкнулся с угрозой со стороны османских властей. В 1770 году новый губернатор Дамаска Осман-паша решил положить конец правлению Захира в северной Палестине. Он добился того, чтобы его сыновья были назначены губернаторами Триполи и Сайды, и вступил в союз с друзьями Горного Ливана. Знать Наблуса также жаждала покончить с воинственным соседом. Внезапно Захир оказался в окружении враждебных сил.

Он понимал, что единственная возможность выжить в этом противостоянии с Осман-пашой – найти сильного союзника. А единственным, кто мог противостоять объединенным силам Дамаска и Сайды, был могущественный мамлюкский правитель Египта Али-бей. Вместе Захир Ал Умар и Али-бей представляли собой силу, способную бросить вызов османскому господству в регионе.

У мамлюкского предводителя Али-бея было несколько прозвищ. Некоторые современники называли его Джинном Али, или Гением Али, подразумевая, что его деяния были настолько грандиозны, что тут не обошлось без магии. Турки дали ему прозвище *булут капан*, или «ловец облаков», после того как он победил и объединил под своей властью бедуинские племена, что, по мнению турок, было намного труднее, чем поймать летящие по небу облака. Но чаще всего его называли Али-бей аль-Кабир, что значит «Великий», и действительно, в период между 1760 и 1775 годами он достиг большего величия, чем любой другой мамлюкский правитель в истории османского Египта.

Али-бей попал в Египет в 1743 году в возрасте 15 лет как воин-раб в мамлюкском доме Каздугли. Он быстро поднялся по военной лестнице и в 1755 году, когда его хозяин умер, получил свободу и был возведен в достоинство *бея*. Беи были высшими чинами в мамлюкской иерархии, во главе которой стоял *шейх аль-балад*, или «городской старшина». В 1760 году Али-бей стал правителем мамлюков и оставался им – с небольшими перерывами – до своей смерти в 1773 году.

Али-бей был военным диктатором, внушавшим уважение через страх. Его современник, египетский историк аль-Джабарти, описывал его как «человека великой воли, честолюбивого и настойчивого, устремленного лишь к одному – к достижению всей полноты верховной власти. Он всегда пребывал в серьезном расположении духа, не проявляя склонности к веселью, шуткам и смеху»⁶². Рассказывали, что он оказывал на людей буквально физическое воздействие: «Он внушал такой трепет, что некоторые едва не умирали перед ним от страха, а многие начинали трястись от одного лишь его присутствия»⁶³. Али-бей беспощадно расправлялся со своими врагами и конкурентами и никому не доверял. Как показали последующие события, у других он также не вызывал доверия. Он не только безжалостно уничтожил соперничающие

⁶¹ Thomas Philipp, *Acre: The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831* (New York: Columbia University Press, 2001), 36.

⁶² Philipp and Perlmann, *Abd al-Rahman al-Jabarti's History of Egypt*, vol. 1, 636. Об Али-бее аль-Кабире см.: Daniel Crecelius, *The Roots of Modern Egypt: A Study of the Regimes of 'Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Abu al-Dhahab, 1760–1775* (Minneapolis and Chicago: University of Minnesota Press, 1981).

⁶³ Philipp and Perlmann, *Abd al-Rahman al-Jabarti's History of Egypt*, vol. 1, 639.

мамлюкские дома, но и разделался с членами собственного дома, нарушив священные клановые узы.

Али-бей стал первым человеком с момента падения мамлюкского государства, который правил Египтом единолично. Он сосредоточил в своих руках почти все богатство Египта, присваивая себе доходы с земель, контролируя всю внешнюю торговлю и взимая колоссальные пошлины с европейских купцов. Он вымогал деньги у местных христианских и еврейских общин и не платил налоги Стамбулу. Богатства Али-бея позволили ему нарастить значительную военную мощь. Покончив со всеми мамлюкскими домами, Али-бей решил создать собственный «дом». Он начал покупать и обучать рабов, которые были единственными людьми, которым он доверял. На пике могущества его клан насчитывал около 3000 мамлюков, под командованием которых находились огромные армии численностью в десятки тысяч человек.

Установив единоличную власть над Египтом, Али-бей решил добиться независимости от Османской империи. Он мечтал восстановить мамлюкскую империю, в которую вошли бы Египет, Сирия и Хиджаз, и стать ее султаном. По словам аль-Джабарти, «Али-бей любил читать исторические труды и часто растолковывал своей свите, почему господство Османской империи над Египтом было во всех отношениях нелегитимным. "Правители Египта – султан Бейбарс и султан Калаун и их дети – были такими же мамлюками, как мы, – рассуждал он. – Османы же захватили нашу страну силой, воспользовавшись двуличием местных людей"»⁶⁴. Подразумевалось, что власть, захваченная силой, может быть на законных основаниях возвращена силой.

Первой мишенью Али-бея стали османские губернаторы и войска, присланные из Стамбула, чтобы поддерживать порядок в Египте. Имперские наместники в регионе уже давно отказались от попыток реально управлять им – это делали соперничающие мамлюкские кланы. Губернаторы лишь поддерживали видимость власти Стамбула, соблюдая формальности и стараясь обеспечить выплату налогов в государственную казну. За неимением иных возможностей они пытались играть на противостоянии мамлюкских кланов. Но после прихода к власти Али-бея лишились и этой возможности, поскольку тот устранил всех соперников, и отныне никто не мог помешать ему делать все, что он хочет. Теперь Али-бей безнаказанно смещал османских губернаторов и военачальников и, по слухам, даже отравил некоторых из них. Никогда еще интересы Османской империи в этой богатой, но непокорной провинции не подвергались столь явной угрозе.

В конце концов Али-бей обратил свою военную мощь против Османской империи, начав открыто захватывать территории. «Он не довольствовался тем, что было дано ему Всевышним, – писал аль-Джабарти. – Он правил Нижним и Верхним Египтом – царством, которым гордились египетские фараоны и цари. Движимый алчностью, он захотел расширить границы своих земель»⁶⁵. Первым завоеванием Али-бея в 1769 году стала провинция Хиджаз на побережье Красного моря, которая в прошлом была частью мамлюкского султаната. После этого успеха он начал печатать монеты с собственным именем вместо имени правящего османского султана, что в те времена было равносильно провозглашению независимости. Так Али-бей начал свой проект по восстановлению мамлюкского государства в прежних границах. И у турок, увязших в многолетней войне с Россией, попросту не было сил остановить его.

В 1770 году, когда восстание Али-бея против османов было в разгаре, Захир Ал Умар обратился к нему с предложением заключить союз против губернатора Дамаска. Момент был выбран как нельзя лучше. «Получив это известие, – писал историк, современник событий, – Али-бей воспринял его как исполнение своих заветных желаний. Он решил восстать против

---

⁶⁴ Там же, 638.

⁶⁵ Там же, 639.

Османской империи и распространить свою власть на земли от аль-Ариша в Египте до Багдада»⁶⁶. Али-бей заключил союз с Захиром Ал Умаром и согласился свергнуть османского губернатора в Дамаске.

Конфликт перестал быть сугубо региональным, когда Али-бей обратился за помощью к главному врагу османского султана – российской императрице Екатерине Великой. Он попросил Екатерину II прислать военный флот и кавалерию, чтобы помочь ему изгнать османов из Великой Сирии, в свою очередь пообещав России помощь в завоевании османских территорий на юге Персии. Императрица отказалась предоставить кавалерию, но согласилась обеспечить поддержку со стороны российской эскадры, которая в то время находилась в Восточном Средиземноморье. Эта государственная измена Али-бея вызвала ярость в Стамбуле, однако, связанные российскими войсками в Черном море и Восточной Европе, османы были бессильны помешать ему.

Приобретя таких сильных союзников, как Екатерина Великая и Захир Ал Умар, Али-бей начал готовиться к вторжению в Сирию. Он собрал почти 20-тысячную армию, командовать которой назначил одного из своих самых доверенных генералов, Исмаил-бея. В ноябре 1770 года мамлюкская армия заняла Газу и после четырехмесячной осады взяла портовый город Яффу. Захир со своим войском присоединился к армии Исмаил-бея, и они вместе прошли по Палестине, пересекли Иорданскую долину и двинулись на восток к Паломнической дороге, пролежавшей по краю пустыни. Здесь армия повстанцев повернула к Дамаску и вскоре дошла до городка Музайриб, находящегося всего в одном дне пути от Дамаска.

Но, вступив в Музайриб, Исмаил-бей столкнулся лицом к лицу с дамаскским губернатором – и полностью потерял волю к борьбе. Это было время хаджа, когда благочестивые мусульмане совершают паломничество в Мекку и Медину, считающееся одним из пяти столпов ислама. Губернатор Осман-паша возглавлял караван паломников. Исмаил-бей был набожным человеком, в отличие от большинства мамлюков, он получил не только военное, но и религиозное образование. Напасть на губернатора в такой момент значило бы совершить преступление против Аллаха. Без всяких предупреждений и объяснений Исмаил-бей приказал своим войскам оставить Музайриб и вернуться в Яффу. Ошеломленный Захир Ал Умар пытался протестовать, но напрасно, и военная кампания была полностью остановлена до конца зимы 1770–1771 годов.

Вероятно, Али-бей также был взбешен поступком Исмаил-бея. В мае 1771 года он отправил в Сирию еще одну армию, на этот раз под командованием Мухаммад-бея по прозвищу Абу аз-Захаб, или «золотой отец». Это прозвище Мухаммад-бей получил благодаря одному необычному поступку: когда Али-бей даровал ему свободу и сделал беим, он на протяжении всего пути от каирской цитадели до центра города бросал в собравшуюся поприветствовать его толпу золотые монеты. Этой невиданной щедростью мамлюкский военачальник и заслужил свое прозвище.

Армия Мухаммад-бея, насчитывавшая 35 000 человек, прошла по южной Палестине и дошла до Яффы, где соединилась с армией Исмаил-бея. Объединенные силы мамлюков были непобедимы. В июне они, встретив лишь незначительное сопротивление, взяли Дамаск и изгнали оттуда османского губернатора. Теперь мамлюки контролировали Египет, Хиджаз и Дамаск. Мечта Али-бея восстановить великое мамлюкское государство почти сбылась.

Но затем произошло немыслимое: Мухаммад-бей внезапно оставил Дамаск и двинулся со своей армией на Каир. Как выяснилось впоследствии, здесь снова был замешан благочестивый мамлюкский генерал Исмаил-бей. Как только мамлюкская армия заняла Дамаск, Исмаил-

⁶⁶ Этот рассказ основан на хрониках эмира Хайдара Ахмада Шехаба из Горного Ливана (1761–1835) «Образцы для подражания в хрониках сына эпохи». Хроники эмира были отредактированы и изданы Асадом Рустумом и Фуадом аль-Бустани под названием «Ливан в эпоху эмиров из рода Шехаба» (Asad Rustum and Fuad al-Bustani, *Lubnan fi 'ahd al-umara' al-Shihabiyyin*, vol. 1, Beirut: Editions St. Paul, 1984, 79).

бей открыл Мухаммад-бею глаза на всю чудовищность преступления, совершенного ими не только против османского султана, но и против ислама. Прежде чем поступить на службу к Али-бею, Исмаил-бей некоторое время провел в Стамбуле и глубоко почитал султана как главу величайшей исламской империи в мире. Он предупредил Мухаммад-бея, что османы заставят их поплатиться за мятеж в этой жизни, а Аллах призовет к ответу за содеянное после смерти. «Восстание против султана – происки дьявола», – заявил набожный мамлюк.

Увидев, что его слова встревожили Мухаммад-бея, Исмаил-бей решил сыграть на его честолюбии. Он сказал, что Али-бей сошел с пути ислама, заключив с российской императрицей союз против султана. «Теперь любой мусульманин по законам ислама может безнаказанно убить его [Али-бея] и забрать себе его гарем и все его богатства», – рассуждал Исмаил-бей⁶⁷. По сути, Исмаил-бей намекал, что, повернув оружие против своего господина, Мухаммад-бей искупит вину перед Аллахом и султаном, а также сможет стать правителем Египта. Доводы Исмаил-бея попали точно в цель, и двое мамлюкских генералов, которым Али-бей доверял больше всего (говорят, Мухаммад-бей был его названным братом), во главе огромной армии отправились свергать своего правителя.

Стремительное завоевание мамлюками Дамаска и такой же стремительный их уход потрясли все Восточное Средиземноморье. «Народ Дамаска поражен этим странным событием», – написал один из хронистов. Захир Ал Умар и Али-бей были потрясены ничуть не меньше. Пока мамлюкская армия занимала Дамаск, Захир взял город Сайду и разместил двухтысячный гарнизон в Яффе. Потеряв главного союзника, он понимал, что теперь османы обрушат весь свой гнев на него. Что касается Али-бея, тот находился в безнадежном положении. Ему удалось собрать крошечную армию своих сторонников, но после первой же стычки с армией Мухаммад-бея от нее не осталось и следа. В 1772 году Али-бей бежал из Египта и укрылся у Захира в Акре.

Мечты Али-бея о великом мамлюкском государстве рухнули вместе с крахом его власти. Мухаммад-бей провозгласил себя новым правителем Египта и отправил в Стамбул Исмаил-бея, чтобы тот добился его официального назначения губернатором Египта и Сирии. Мухаммад-бей не мечтал об империи, он хотел стать могущественным подданным османского султана.

Между тем Али-бею не терпелось вернуть себе власть. Поспешно собрав небольшую армию, которой было явно недостаточно для того, чтобы бросить вызов созданному им же самим могущественному мамлюкскому дому, в марте 1773 года Али-бей двинулся на Каир. Армия Мухаммад-бея, вполне ожидаемо, разгромила его войско, а сам Али-бей был ранен и взят в плен. Мухаммад-бей доставил своего бывшего господина в его собственный дом, где он и умер неделю спустя. Разумеется, ходили слухи, что Али-бея убили. «Лишь одному Всевышнему известно, какова была его настоящая смерть»⁶⁸, – заключил аль-Джабарти.

Смерть Али-бея означала для Захира катастрофу. Он был уже очень стар – далеко за восемьдесят. В те времена средняя продолжительность жизни была вдвое меньше. У него не осталось союзников в регионе, и он фактически совершил государственную измену. Невероятно, но и в таких обстоятельствах Захир не оставил попыток добиться официального признания от османских властей, и османы, которые вели очередную изнурительную войну с Россией и остро нуждались в мире в своих беспокойных сирийских провинциях, казалось, были готовы удовлетворить его честолюбивую мечту. В 1774 году губернатор Дамаска сообщил Захиру, что Стамбул собирается назначить его заместителем Сайды, включая северную Палестину и часть Трансиордании.

⁶⁷ Shihab, Lubnan fi 'ahd al-umara' al-Shihabiyyin, vol. 1, 86–87.

⁶⁸ Philipp and Perlmann, Abd al-Rahman al-Jabarti's History of Egypt, vol. 1, 639.

Однако соответствующий указ из Стамбула так и не пришел. В июле 1774 года был заключен мир с Россией, и шестилетняя война подошла к концу. Султан не собирался вознаграждать предателей, вступивших в союз с врагом Османской империи. Вместо долгожданного указа он отправил в Палестину Мухаммад-бея с армией мамлюков, чтобы свергнуть престарелого правителя. В мае 1775 года египетское войско захватило Яффу и устроило там массовую резню. Паника мгновенно распространилась на другие города, находившиеся под управлением Захира. К концу месяца администрация и большая часть населения покинули Акру. И в начале июня мамлюкская армия вступила в город.

Примечательно, что сразу после взятия Акры Мухаммад-бей, всегда отличавшийся крепким здоровьем, заболел лихорадкой и 10 июня 1775 года умер. Спустя всего несколько дней после изгнания Захир вернулся в город и восстановил свою власть. Но это оказалось лишь отсрочкой. Турки отправили флотилию из 15 кораблей под командованием адмирала Хасан-паши и потребовали от Захира сдаться и заплатить все налоги, которые он задолжал государственной казне. Захир не возражал. «Я старый человек, – сказал он своим министрам, – и у меня больше нет сил бороться». Его уставшие от войн министры поддержали его: «Мы – мусульманский народ, верующий в Единого Бога, и мы – подданные султана. Пойдя против султана, мы пойдем против Аллаха»⁶⁹.

Однако мечты Захира о спокойной старости не сбылись. Он решил покинуть Акру и вместе с семьей и приближенными укрыться у своих шиитских союзников на юге Ливана. Захира предал его сын Усман: он подозревал, что отец притворяется и при первой же возможности постарается вернуться к власти, как уже не раз делал в прошлом. Усман вызвал одного из командиров Захира, уроженца Северной Африки по имени Ахмед-агу ад-Денизли, и сообщил ему, что отец собирается бежать из Акры. «Если ты хочешь заслужить доверие Хасан-паши, помоги ему исполнить волю Аллаха. Не дай моему отцу с семьей бежать из города». Ад-Денизли собрал группу североафриканских наемников и стал ждать Захира в засаде.

Чтобы заманить старого шейха в ловушку, убийцам пришлось прибегнуть к хитрости. Через четверть часа после того, как они выехали за ворота Акры, Захир заметил, что одна из его наложниц исчезла. Никто не знал, что с ней случилось. «Нам нельзя ее оставлять», – сказал Захир и поскакал назад, чтобы найти отставшую женщину. Вскоре он увидел ее на дороге. Приблизившись к ней, он попытался посадить ее на коня. Но 86-летний шейх был стар и слаб. Молодая женщина стащила его с седла, и он упал на землю. Прятавшиеся в засаде убийцы выскочили на дорогу и накинулись на старика с кинжалами. А потом ад-Денизли достал меч и отрубил Захиру голову, чтобы преподнести ее как трофей Хасан-паше.

Если этим поступком ад-Денизли надеялся завоевать благосклонность Хасан-паши, то он серьезно просчитался. Османский адмирал приказал своим людям отмыть отрубленную голову Захира от крови. Потом поставил ее перед собой и долго смотрел на морщинистое лицо старого шейха. Наконец, повернувшись к наемнику, воскликнул: «Да не получу я прощения Аллаха, если не отомщу за смерть Захира Ал Умара!»⁷⁰ Затем он приказал своим людям схватить ад-Денизли, задушить и бросить тело в море.

Так закончилась история Захира Ал Умара и Али-бея аль-Кабира, могущественных правителей двух богатых территорий – Египта и Палестины, которые объединили свои силы, чтобы свергнуть власть османского султана. Они бросили самый серьезный внутренний вызов Османской империи за более чем 250 лет ее господства над арабским миром. Но даже в тот критический момент, когда Али-бей стоял на пороге восстановления власти мамлюкской династии

⁶⁹ Philipp, citing Ahmad al-Shihab's *Tarikh Ahmad Pasha al-Jazzar*, in Acre, 45.

⁷⁰ Этот драматический рассказ о смерти Захира Ал Умара содержится в хронике Михаила ас-Саббага (ок.1784–1816) «История шейха Захира Ал Умара аз-Зейдани» (Mikha'il al-Sabbagh, *Tarikh al-Shaykh Zahir Al'Umar al-Zaydani*, Harisa, Lebanon: Editions St. Paul, 1935, 148–158).

в Египте, Сирии и Хиджазе, османское влияние на мятежных подданных в арабских землях было очень сильно. Мамлюкские генералы, такие как Исмаил-бей и Мухаммад-бей, быстро осознали несправедность своих действий и вернулись под власть Блистательной Порты. Большинство местных лидеров все еще считали восстание против османского султана «происками дьявола», как выразился Исмаил-бей.

Поражение Захира Ал Умара и Али-бея не положило конец эпохе местных правителей в арабском мире. Мамлюки продолжали доминировать в политической жизни Египта, хотя после смерти Али-бея и Мухаммад-бея никто не смог сосредоточить в своих руках единоличную власть. Вместо этого мамлюкские дома возобновили острую межклановую борьбу, погрузив Египет в состояние нестабильности, сохранявшееся на протяжении всего XVIII века. Османы утвердили свою власть в сирийских провинциях, поставив во главе Дамаска, Сайды и Триполи сильных губернаторов. Более удаленные регионы, такие как Горный Ливан, Багдад и Мосул, по-прежнему контролировались местными правителями, но ни один из них не пытался бросить прямой вызов Стамбулу.

Следующая серьезная угроза османскому господству в арабском мире возникла за пределами империи, в центре Аравийского полуострова. Она исходила от новой силы, которая была тем более опасна, что заявляла своей целью возрождение «чистоты» ислама и постепенно взяла под свой контроль обширные территории, простирающиеся от Ирака через Сирийскую пустыню до священных городов Мекка и Медина. В отличие от Захира Ал Умара и Али-бея, лидер этого движения хорошо известен не только на Ближнем Востоке, но и на Западе: это Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб, основатель религиозно-политического реформаторского движения – ваххабизма.

Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб родился в 1703 году в центральноаравийском Неджде, в небольшом поселении Уйайна. Принадлежит к семье потомственных богословов, в молодости он много путешествовал и обучался богословию в Басре и Медине. Именно там он познакомился с ханбалитским правом, наиболее консервативной из четырех религиозно-правовых школ суннитского ислама, и попал под влияние взглядов исламского теолога XIV века Ибн Таймийи. Ибн Таймийя призывал вернуться к нормам раннего ислама времен пророка Мухаммада и его первых преемников, или халифов. И резко осуждал все мистические практики, связанные с суфизмом, считая их отклонением от истинного пути ислама. Ибн Абд аль-Ваххаб вернулся домой в Неджд с четко сложившимися убеждениями относительно «чистого» ислама и горячим стремлением воплотить их в жизнь.

Поначалу молодому реформатору удалось заручиться поддержкой правителя своего родного города. Однако вскоре стала очевидна вся спорность его взглядов. Когда Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб приказал публично забить камнями женщину, подозревавшуюся в прелюбодеянии, правители и купцы соседних городов были потрясены – и встревожены. В понимании местных жителей это был не ислам. Они потребовали от эмира Уйайны убить радикалиста-богослова, но тот не решился расправиться с Ибн Абд аль-Ваххабом и позволил ему скрыться.

Однако далеко бежать молодому богослову с опасными идеями не пришлось. Его приютил правитель близлежащего оазиса Ад-Дирийя Мухаммад Ибн Сауд. Современные Саудиты ведут отсчет своей государственности с 1744 года, когда произошла историческая встреча Ибн Сауда и Ибн Абд аль-Ваххаба и они договорились, что отныне эмир и его подданные будут исповедовать реформированный ислам Ибн Абд аль-Ваххаба. Это «Дирийское соглашение» установило основные принципы религиозно-политического движения, получившего название «ваххабизм».

В период становления ваххабизма мало кто во внешнем мире понимал, что это такое. Ваххабитов считали новой сектой и обвиняли в неортодоксальности. На самом же деле их взгляды отличались крайней ортодоксальностью, будучи основанными на идее возвращения к изначальному «чистому» исламу и верности только Корану и Сунне. Ваххабиты считали, что чистый ислам существовал примерно до III века после получения откровений Корана, а все, что было привнесено в него позже, отвергали как «чуждые примеси».

Главным догматом ваххабизма была вера в безусловно единого Бога. Ассоциирование с Богом любых других созданий рассматривалось как многобожие (на арабском языке *ширк*), поскольку вера в то, что у него могут быть помощники или посредники, равносильна вере в более чем одного Бога. Как и многие другие религии, в процессе своего развития ислам претерпел значительные изменения. На протяжении многих веков в рамках ислама возник ряд практик, которые не соответствовали ваххабитскому постулату об абсолютной единственности Бога.

Например, в арабском мире было широко распространено почитание святых и праведников, от сподвижников пророка Мухаммада до многочисленных местных святых, которые имелись у каждого племени и деревни. Общепринятым было поклонение могилам святых, над которыми возводились мавзолеи и мечети, и разным фетишам. (Во многих частях арабского мира эта практика сохраняется по сей день.) Ваххабиты считали недопустимым молиться святым, прося у них покровительства и благ, поскольку тем самым отрицается единобожие, что является самым тяжким из грехов. Они говорили, что почитание святых состоит в том, чтобы следовать их примеру, а не поклоняться их могилам. Таким образом, первыми мишенями ваххабитов стали могилы святых и ежегодные паломничества к ним. Мухаммад Ибн Абд аль-Ваххаб собственноручно разрушал гробницы и рубил священные деревья. Это ужасало остальных мусульман-суннитов, которые воспринимали такое осквернение могил как неуважение к самым почитаемым фигурам в исламе.

Наряду с неприятием поклонения святым Ибн Абд аль-Ваххаб был особенно нетерпим к учениям и практикам, ассоциируемым с суфизмом. Исламский мистицизм имеет множество разных форм – от нищенствующих аскетов до знаменитых вертящихся дервишей. Суфии используют широкий спектр техник – от поста, пения и танцев до самоистязания – для достижения непосредственного переживания Творца. Они организованы в братства, которые устраивают регулярные молитвенные собрания. Суфизм был неотъемлемой частью религиозной и общественной жизни Османской империи. Некоторые ордены строили роскошные обители и привлекали элиту общества, другие призывали к полному аскетизму и отказу от мирских благ. Разные братства собирали под своим крылом представителей разных профессий. Трудно было представить религиозный институт, более тесно связанный с османским обществом. Однако из-за их стремления к мистическому единению с Создателем все причастные к суфизму были осуждены ваххабитами как многобожники. Это было очень серьезным обвинением.

Заклеймив большую часть османского ислама как политеистическую, ваххабиты встали на путь прямой конфронтации с Османской империей. Ортодоксальный ислам предписывает терпимость к другим монотеистическим религиям, таким как иудаизм и христианство, но абсолютно нетерпим к политеизму, т. е. вере во многих богов. Более того, он возлагает на мусульман обязанность открывать политеистам глаза на ошибочность их верований и помогать встать на истинный путь ислама. Если сделать это не удастся, мусульмане обязаны начать джихад и сражаться с многобожием, пока оно не будет искоренено. Определяя практики суфизма и почитания святых как многобожие, ваххабизм бросал прямой вызов религиозной легитимности Османской империи.

Неудивительно, что османы просмотрели угрозу со стороны нарождающегося ваххабизма. Это движение возникло за пределами имперских границ, и в период с 1744 года до смерти Мухаммада Ибн Сауда в 1765 году его распространение было ограничено оазисными

поселениями в регионе Неджд в Центральной Аравии. Только в конце 1780-х годов ваххабизм добрался до османских границ на юге Ирака и Хиджаза.

В 1790-е годы новая угроза для арабских провинций империи стала очевидной, и Стамбул поручил губернатору Багдада принять меры. Однако багдадский паша оттягивал отправку войск на враждебные земли Аравийского полуострова так долго, как только мог. Только в 1798 году он собрал 10-тысячную армию для борьбы с ваххабитами. Но османские войска ничего не смогли сделать на ваххабитской территории; вскоре они были окружены и вынуждены заключить перемирие с саудовским эмиром Саудом Ибн Абд аль-Азизом. Согласившись на перемирие, ваххабиты не дали обещаний не трогать земли османского Ирака в будущем. У багдадского губернатора имелись серьезные основания для беспокойства.

Первое вторжение на османскую территорию ваххабиты предприняли в 1802 году, напав на священный город Кербела на юге Ирака. Кербела является одним из самых почитаемых городов в шиитском исламе, поскольку здесь в 680 году в битве с войском омейядского халифа был убит Хусейн Ибн Али, внук пророка Мухаммада. В шиитском исламе мученик Хусейн почитается как третий из двенадцати имамов, т. е. преемников пророка, и над его могилой была возведена красивейшая мечеть, увенчанная высоким золотым куполом. Ежегодно тысячи паломников приходили в Кербелу, чтобы возложить драгоценные дары на гробницу имама и принять участие в многодневных мистериях в его честь, то есть совершить наиболее отвратительные, по мнению ваххабитов, ритуалы поклонения умершему святому.

Нападение ваххабитов на Кербелу потрясло своей жестокостью. Вот как местный хронист Ибн Бишр описал это кровавое событие:

Они [ваххабиты] окружили Кербелу и взяли город штурмом. Они убили многих людей в домах и на рынках. Разрушили купол над могилой Хусейна и забрали все, что нашли в усыпальнице и рядом с ней, в том числе покрывало, расшитое изумрудами, сапфирами и жемчугом, покрывавшее могилу. Они забрали все, что нашли в городе, – оружие, одежду, ткани, золото, серебро и драгоценные книги. Невозможно счесть их трофеи. Они оставались в городе одно утро и ушли после полудня, забрав все награбленное. Почти две тысячи человек были убиты в Кербеле⁷¹.

Осквернение гробницы Хусейна и разграбление города – но в первую очередь убийство сотен невооруженных мужчин и беззащитных женщин и детей в священном месте – вызвало возмущение по всей Османской империи и создало ваххабитам репутацию жестоких убийц. Жители городов и деревень на юге Ирака, в восточной Сирии и Хиджазе обратились к османскому правительству за защитой от этого нового врага.

Однако справиться с ваххабитами было не так-то просто. Центральная Аравия, где базировалось ваххабитское движение, находилась слишком далеко от имперского центра. Чтобы достичь граничащих с Недждом районов, османским войскам из Анатолии пришлось бы совершить многомесячный пеший марш. Кроме того, как убедился на своем опыте губернатор Багдада, победить ваххабитов на их территории было почти невозможно. Постоянно же держать большую армию на южных границах империи в условиях Аравийской пустыни, учитывая все трудности снабжения продовольствием и водой, было непосильным бременем для государственной казны. Таким образом, османское правительство оказалось бессильно перед угрозой ваххабитов.

Следующим ударом те пошатнули сами основы османской легитимности, атаковав священные города ислама Мекку и Медину. В марте 1803 года саудовский эмир Сауд Ибн Абд аль-Азиз напал на Хиджаз и в апреле вошел в Мекку. Его армия не встретила сопротивления

---

⁷¹ Рассказ приводится в книге: Alexei Vassiliev, *The History of Saudi Arabia*, London: Saqi, 2000, 98. (Васильев А. М. История Саудовской Аравии. – М.: Наука, 1982.)

и не прибегала к насилию. Ваххабиты разъяснили жителям Мекки правила своей веры и установили новые порядки: шелковые одежды и курение были запрещены, мавзолеи разрушены, купола сняты. Ваххабиты оставались в Мекке всего несколько месяцев, после чего вернулись в Неджд. Только в 1806 году они решили отвоевать провинцию Хиджаз у Османской империи и присоединить ее к своему быстро расширяющемуся государству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.